

САМЮЭЛЬ БЬОРК

18+

СОВА

Книга издается в 27 странах мира

Самюэль Бьорк

Сова

Серия «Мастера саспенса»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18694865
Самюэль Бьорк. Сова: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-086458-4

Аннотация

Из приюта для трудных подростков пропадает семнадцатилетняя девушка. Спустя три месяца ее находят мертвой на постели из птичьих перьев, в пентаграмме из свечей. У следователей Холгера Мунка и Мии Крюгер нет сомнений: это убийство, причем очень похожее на какой-то ритуал.

Пока отдел убийств пытается найти хоть одну зацепку, в руки Габриэля Мёрка, молодого компьютерщика из команды Мунка, вдруг попадает загадочное видео. В кадре – жертва и кто-то еще: силуэт человека, одетого в перья совы, птицы смерти...

«Сова» – новый захватывающий психологический детектив Самюэля Бьорка, номинированный на Премию союза норвежских книготорговцев.

Содержание

1	13
1	13
2	17
3	22
4	27
5	36
6	41
7	49
8	59
9	64
10	70
11	76
12	84
2	90
13	90
14	94
15	108
16	115
17	122
18	129
19	136
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Самюэль Бьорк

Сова

«UGLEN» by Samuel Bjørk

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Ahlander Agency.

Copyright © Samuel Bjørk 2015

© Назарова М.В., перевод, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Однажды в пятницу весной 1972 года, как раз когда священник церкви Сандефьорда собирался домой, к нему пришли весьма особенные гости, так что он решил немного задержаться в своем кабинете.

Молодую женщину он никогда раньше не видел, а вот молодого человека знал очень хорошо. Это был старший сын самого популярного человека в городе, судовладельца, не только одного из богатейших людей в стране, но и ветерана церкви, благодаря пожертвованиям которого, кроме всего прочего, они десять лет назад смогли поставить большой за престольный образ из необработанного красного дерева, созданный художником Дагфином Вереншиолдом. На образе были изображены семнадцать сцен из жизни Иисуса, и свя-

щенник очень гордился этой доской.

Посетители рассказали о своем очень особенном желании. Они хотели обвенчаться так, чтобы священник сохранил это в тайне. Ничего необычного на первый взгляд, но подробности оказались настолько странными, что сначала он подумал, это какая-то шутка. Но священник хорошо знал судовладельца, знал, каким религиозным и консервативным человеком был старик, и вскоре понял, что пара пришла с серьезными намерениями. Судовладелец тяжело болел в последнее время, и ходили слухи, что он при смерти. Молодой человек, сидевший перед священником, скоро получит в наследство огромное состояние, но его отец предъявил одно требование. В семью не должна примешиваться чужая кровь. Женщина, на которой наследник собирается жениться, ни в коем случае не должна иметь детей от предыдущих браков. В этом-то и была проблема. У женщины, в которую сын судовладельца был безоглядно влюблен, к сожалению, были дети. Дочка двух лет и сын четырех. Детям нужно было исчезнуть, священник должен был обвенчать пару, чтобы женщина выглядела консервативной, согласно требованию судовладельца. Возможно ли это?

План, составленный парой, был таков. У молодого человека в Австралии была дальняя родственница. Она согласилась позаботиться о детях, пока формальности не будут улажены. Через год или два детей привезут обратно. Может быть, судовладелец найдет путь на небо и раньше, кто знает? Что по

этому поводу думает священник? Сможет ли он найти место в своей душе, чтобы помочь им разрешить эту ситуацию?

Священник притворился, что колеблется, но на самом деле он уже все решил. Конверт, который молодой человек деликатно положил на стол, был толст, да и почему бы не помочь нуждающейся юной паре? Требование старого судовладельца ведь такое неразумное, не правда ли? Священник согласился поженить пару, и меньше чем через неделю в закрытой церкви прошла скромная церемония перед разноцветным запрестольным образом.

Чуть меньше чем год спустя, в январе 1973 года, священник снова принял посетителей у себя в кабинете, на этот раз женщина пришла одна. Явно обеспокоенная, она рассказала, что не знала, к кому еще ей обратиться. Что-то пошло не так. Она не имела никаких сведений о детях. Ей обещали фотографии, письма, но не было ни строчки, ни слова, и она уже начала сомневаться, а существует ли вообще эта родственница в Австралии? Также женщина рассказала, что ее муж оказался не тем, кем она его считала. Они больше не разговаривали, даже спали в разных спальнях, у него были тайны, темные тайны, такие вещи, которые она была не в силах произнести вслух, едва осмеливаясь думать о них. Может ли священник что-нибудь сделать? Он успокоил ее, сказал, что, конечно же, поможет ей, все обдумает, и попросил ее прийти снова через несколько дней.

На следующее утро молодую женщину нашли мертвой за

рулем ее собственной машины в глубокой канаве, прямо рядом с роскошной виллой семьи судовладельца на Вестерёйа, недалеко от центра Сандвики. Газеты намекали, что женщина села за руль в состоянии алкогольного опьянения и что полиция рассматривает дело как трагический несчастный случай.

Поддержав семейство на похоронах, священник решил навестить молодого судовладельца. Там он рассказал, что женщина приходила к нему накануне трагедии. Что она выражала беспокойство за своих детей. Что что-то пошло, хм, ну, не совсем так, как предполагалось. Молодой наследник выслушал, кивая. Затем он объяснил, что его жена была очень больна в последнее время. Сидела на лекарствах. Пила слишком много. Да, священник ведь сам видел, чем все кончилось. Потом молодой человек написал число на листочке бумаги и передал его через стол. Не слишком ли маленький этот город для священника? Не лучше ли было бы служить Господу в другом месте, может быть, поближе к столице? Через несколько минут они договорились о деталях. Священник поднялся, и больше он не видел молодого, властного судовладельца.

Пару недель спустя он собрал чемодан.

И нога его больше никогда не ступала в Сандефьорде.

Маленькая девочка лежала так тихо, как только могла, под пледом на диване и ждала, пока уснут остальные дети. Она решила. Это должно произойти сегодня ночью. Ей больше не надо бояться. Не надо ждать. Ей семь лет, скоро она станет взрослой. Она сделает это, когда немного стемнеет. Она не приняла снотворное. Положила таблетку под язык и держала ее там все время, в том числе, когда показала тете Юлиане, какая она молодец.

— Покажи.

Она высунула язык.

— Хорошая девочка. Следующий.

Ее брат уже давно так делал. С того дня, когда они заперли его в земляном подвале. Каждый вечер он просто клал таблетку под язык, не глотая ее.

— Покажи.

Он высунул язык.

— Хороший мальчик. Следующий.

Три недели в темном подвале за то, что он не хотел просить прощения. Все дети знали, что он не сделал ничего плохого, но взрослые все равно заперли его. И с тех пор он стал другим. Каждый вечер клал таблетку под язык, не глотая. Девочка в полудреме, пока ее таблетка начинала действовать, видела его тень, выбирающуюся из комнаты и исчеза-

ющую.

Иногда ей снились сны о том, куда он уходил. Однажды во сне он был принцем, которому пришлось ехать в чужую страну, чтобы поцеловать спящую красавицу. В другой раз он был рыцарем, убившим дракона волшебным мечом, так глубоко застрявшим в камне, что только особенный мальчик мог его вытащить. Сны. Не реальность. В реальности она ничего не знала.

Маленькая девочка дождалась, пока остальные дети уснут, и осторожно прокралась к выходу из дома. Наступила зима, но по-прежнему было тепло, хотя сумерки мягко легли между деревьями. Босиком девочка прошла через двор и держалась в тени, пока не оказалась в укрытии роици. Убедившись, что никто ее не преследует, она перебежками пустилась по дорожке между больших деревьев по направлению к воротам, надпись на которых гласила «Trespassers Prosecuted»¹. Отсюда она решила начать поиски.

Она слышала, как брат и один из мальчиков шептались об этом. Что в лесу есть местечко, где можно побыть одному. Старый заброшенный домик, хижина, спрятанная на самой окраине, но сама девочка никогда ее не видела. Каждый день они вставали в шесть утра и ложились спать в девять вечера. Всегда в одно и то же время, один и тот же распорядок, никаких изменений, всего два раза в день перерывы по пятнадцать минут, когда можно отвлечься от

¹ Посторонним вход воспрещен (англ.).

школьных занятий, домашних заданий, йоги, стирки одежды и всех остальных порученных им дел. Маленькая девочка улыбнулась, услышав стрекот сверчков, и почувствовала, как мягкая трава щекочет ее ступни, пока она осторожно крадется вдоль забора к тому месту, где, как она предполагала, должен находиться домик. По той или иной причине ей не было страшно, ужас придет позже, а пока она чувствовала радость, как вольная бабочка, наедине со своими мыслями в этом прекрасном лесу, где так хорошо пахнет. Она улыбнулась еще шире и дотронулась до растения, похожего на звезду, все это было почти как в одном из ее снов, который снился ей, когда таблетки оказывались не такими сильными. Она нагнулась под веткой и даже не вздрогнула, услышав шуршание в кустах. Может быть, это коала осмелилась спуститься с дерева или кенгуру перепрыгнул через забор? Девочка посмеялась про себя, подумав, как здорово было бы потрогать коалу. Она знала, что у них грубая шерсть, на самом деле совсем не ласкающая, но все же попыталась представить, как это было бы: мягкий мех между пальцев, мягкая мордочка щекочет ей шею, – и почти забыла, зачем пришла сюда. Вдруг, словно проснувшись, она остановилась как вкопанная всего в нескольких метрах от стены дома. Маленькая девочка наклонила голову набок, с любопытством рассматривая доски, так внезапно возникшие перед ней. Значит, это все-таки правда. То, о чем шептались мальчики. В лесу есть это место. Место, где мож-

но спрятаться. Быть наедине с собой. Она осторожно прокралась к серой стене, почувствовав, как приятно покалывает под кожей, пока она подбирается к двери.

Маленькая девочка все еще не знала, что зрелище, которое ее ожидало, изменит ее навсегда, будет преследовать ее каждую ночь все последующие годы, под пледом на жестком диване, в самолете, летящем на другой конец мира, после того, как полиция заберет их оттуда, все будут плакать, под одеялом на мягкой кровати, где все звуки звучат иначе. Она ничего об этом не знала, поворачивая ручку и медленно открывая скрипучую дверь.

Внутри было темно. Прошло несколько секунд, прежде чем глаза привыкли к темноте и она могла нормально видеть. Не было никаких сомнений. Сначала только силуэт, а потом все более отчетливо, – это он сидел внутри.

Ее брат.

На нем не было одежды. Он был абсолютно голый. Абсолютно голый, но все его тело было покрыто... перьями? Сжавшись, он сидел в углу, похожее на птицу скрюченное существо из совсем другого мира, держа что-то во рту. Маленького зверька. Мышь? Ее брат покрыт перьями и держит во ртудохлуюмышь.

Именно эта картина потом изменит ее жизнь. Брат медленно повернулся, посмотрел на нее немного удивленно, как будто не знал, кто она такая. В свете, падающем сквозь грязное окно, – медленнодвигающаясярука, покрытая пе-

рьями, рот, скривившийся в белозубой улыбке, когда он вытащил мышь и вперился в сестру мертвым взглядом, распустил перья и сказал:

– Я сова.

Ботаник Том Петтерсон достал из машины фотосумку и не спеша наслаждался видом на зеркально гладкий фьорд перед тем, как начать путь через лес. Стоял ранний октябрь, и прохладное субботнее утро купало пейзаж вокруг в изумительном свете, мягкими лучами по осенним желтым и красным листьям, которые очень скоро опадут и уступят место зиме.

Том Петтерсон обожал свою работу. Особенно когда получалось выбраться на природу. Губернатор фюльке Осло и Акерсхюс поручил ему зарегистрировать экземпляры змееголовника Руйша, исчезающего вида, растущего в области вокруг Ослофьорда. Недавно в блог ботаника пришла новая подсказка, и сегодня он собирался ее проверить, записать количество и точную позицию обнаруженных экземпляров этого очень редкого растения.

Змееголовник – это растение десяти-пятнадцати сантиметров в высоту, с синими, темно-синими или сине-фиолетовыми цветами, которые засохли осенью и оставили после себя кисть коричневых плодов, напоминающую колос. Редким было не только само растение, но и блестящий жучок,

живущий в змееголовнике, — маленький синий глянцево-голубой жук, питающийся цветами этого растения. Чудо природы, подумал Том Петтерсон и улыбнулся, свернув с тропинки и последовав описанию пути, которое прислал ему внимательный ботаник-любитель. Иногда — он никогда не произносил это вслух, ведь его воспитали с верой в то, что никакого Бога не существует, его родители настаивали на этом — и тем не менее, иногда он все же думал об этом. Творение. Все большое и маленькое, так прекрасно связанное между собой. Птицы улетают на юг каждую осень, чтобы высиживать птенцов, преодолевают огромные расстояния, прилетая каждый раз в одно и то же место. Листья, меняющие цвет в одно и то же время каждый год, превращая деревья и склоны в живое произведение искусства. Нет, как уже было сказано, он никогда не говорил об этом вслух, но эта мысль часто посещала его.

Том Петтерсон работал в Институте биологии при Университете Осло. Там он учился, а закончив учебу, получил предложение о работе. Прошлой осенью в коридорах шептались о месте главы института, но Том Петтерсон ничего не сделал, чтобы его получить. Глава института? Нет, административная работа не для него. Ему нравилась его должность, выезды на природу, поэтому он и стал ботаником, а не для того, чтобы сидеть на совещаниях.

Он с гордостью взял на себя задание, когда позвонили из офиса губернатора. Защитник змееголовника, да. Петтерсон

согласился с большим удовольствием. Ботаник слегка улыбнулся про себя, вспомнив открытие, которое он сделал на Снарёйя несколько лет назад. Большая коллекция растений в районе миллионеров. Разумеется, это понравилось не всем, купившие участки там, где он нашел растения, больше бы хотели построить себе виллы и бассейны, но змееголовник находится под защитой Бернской конвенции, и его ни в коем случае нельзя было трогать.

Том свернул направо между двух больших елей и пошел в гору к месту, где должны быть растения, снова улыбаясь про себя. Том Петтерсон был ярым защитником окружающей среды, и его радовало даже одно маленькое растение, выигравшее в борьбе с экскаватором.

Тяжело ступая вверх по склону, он вдруг остановился как вкопанный, услышав шорох в зарослях перед собой. Петтерсон приготовил камеру к снимку. Барсук? Не его ли он только что увидел? Это животное, не терпящее дневного света, совсем не такое распространенное, как многие полагают. Он пошел за звуками и скоро оказался на небольшой поляне, к своему разочарованию ничего не увидев. Ему не хватало хорошей фотографии барсука для блога, и можно было бы написать небольшой рассказ: три змееголовника и барсук, идеальная субботняя прогулка.

Посреди поляны что-то лежало.

Голубовато-белое голое тело.

Девочка.

Подросток?

Том Петтерсон подпрыгнул так, что выпустил из рук камеру и не заметил, как она упала в вереск у него под ногами.

На поляне лежала мертвая девочка.

Перья?

Бог мой.

В лесу лежала голая девочка.

Покрытая перьями.

С белой лилией во рту.

Том Петтерсон развернулся на каблуках, тяжело дыша, пробрался сквозь густые заросли, нашел тропинку, со всех ног бросился к машине и позвонил 112.

Следователь по делам об убийстве Холгер Мунк сидел в машине около своего старого дома в Рёа и жалел, что согласился приехать. В этом самом белом доме он жил со своей тогдашней женой Марианне, пока они не развелись десять лет назад. С тех пор он здесь не был. Полный полицейский зажег сигарету и опустил стекло. Несколько дней назад он был на ежегодном обследовании у врача, и тот снова посоветовал ему есть меньше жирной пищи и бросить курить, но в планы пятидесятичетырехлетнего полицейского это не входило, по крайней мере, точно не последний пункт. Сигареты нужны Холгеру Мунку, чтобы думать, и если и было что-то, что он действительно любил, так это шевелить мозгами.

Холгер Мунк обожал шахматы, кроссворды, математику – все, что могло заставить мозговые клетки работать. Часто он сидел за компьютером и болтал с друзьями о разных шахматных партиях Магнуса Карлсена или решениях больших и маленьких математических загадок, например, только что ему пришло письмо от друга Юрия, профессора из Минска, с которым Мунк познакомился в интернете несколько лет назад.

Металлический шест стоит в озере. Половина шеста под землей. Третья часть шеста под водой. Над водой торчит

8 метров шеста. Какова длина всего шеста? Привет, Ю.

Мунк немного подумал над ответом, прежде чем нашел его, и уже собирался послать письмо, как его отвлек телефонный звонок. Он бросил взгляд на дисплей. Миккельсон. Его начальник в Грэнланд. Несколько секунд телефон продолжал звонить, Мунк раздумывал, брать ли трубку, но наконец решил отклонить вызов. Нажав на красную кнопку, он положил телефон обратно в карман. Сейчас время семьи. В этом он и ошибся чуть больше десяти лет назад. Недостаточно времени посвящал семье. Работал сутками напролет, и даже когда приходил домой, мысли его были в другом месте. И вот он снова стоит перед этим домом, где она теперь живет с другим.

Холгер Мунк почесал бороду и взглянул в зеркало, на большой розовый подарок с желтой лентой, лежащий на заднем сиденье. У Марион, его внучки, сегодня день рождения. Его маленькой любимице исполнилось шесть лет. Поэтому он и согласился приехать сюда в Рёа, хотя вообще-то давно решил, что нога его больше не переступит этот порог. Мунк сделал глубокую затяжку и потрогал ложбинку на пальце, где было обручальное кольцо. Он носил его десять лет после развода. Марианне. Она была его большой любовью. Он представлял себе, что они всегда будут вместе, и не был ни на одном свидании после расставания. Не то чтобы у него не было возможности. Женщины часто обращали на него внима-

ние, но он просто не хотел. Это казалось неправильным. Но теперь он это сделал. Снял обручальное кольцо. Оно осталось лежать в аптечке дома в ванной. Он не смог его выбросить. Хотя прошло десять лет, есть ли еще надежда? Или это его ошибка? Нужно сделать так, как советовало большинство друзей? Идти дальше по жизни? Найти себе другую?

Холгер Мунк тяжело вздохнул, опять затянулся сигаретой и бросил взгляд на большой розовый подарок. Наверное, он снова переборщил. Его дочь, Мириам, все эти годы ругала его, потому что считала, что он избаловал малышку Марион. Покупая ей все, на что она показывала пальцем. Он купил кое-что не совсем политкорректное, но он точно знал: внучка хотела этого больше всего. Куклу Барби, большой дом Барби и машину для Барби. Он буквально слышал, как Мириам читает нотацию. Об избалованных детях. О женском теле, образцах и идеалах, но, господи, это же просто кукла! Что плохого в том, что именно ее хочет маленькая девочка?

Телефон опять зазвонил, снова Миккельсон, и Мунк еще раз нажал на красную кнопку. Когда раздался третий звонок, он почти взял трубку. *Миа Крюгер*. Он с теплом подумал о молодой коллеге, но все-таки не стал отвечать. Семейное время. Перезвонит ей позже. Может быть, выпить чаю с ней в «Юстисене» вечером? Это ему точно не помешало бы после такого сеанса. Поболтать с Мией. Он давно с ней не говорил и почувствовал, что соскучился.

Всего несколько месяцев назад он забрал молодую колле-

гу домой с острова недалеко от Трёнделага. Она изолировала себя от окружающего мира, отказалась от телефона, Мунку пришлось лететь в Вернес, арендовать машину и просить местную полицию везти его в лодке, чтобы найти ее. С собой у него была папка с делом. Именно оно заставило ее вернуться в столицу.

Холгер Мунк глубоко уважал всех сотрудников отдела, но Миа Крюгер была совершенно особенной. Он забрал ее из Высшей школы полиции еще до окончания учебы, в возрасте двадцати с чем-то лет, по наводке ректора, его старого коллеги. Холгер встретился с ней в кафе, никакой торжественности, просто встреча рядом с домом. Миа Крюгер. Молодая девушка с белом свитере и узких черных брюках, с длинными темными волосами, почти как индианка, с самыми яркими голубыми глазами, которые он когда-либо видел. Она сразу ему понравилась. Умная, уверенная в себе и спокойная. Как будто она видела, что он ее экзаменует, но продолжала отвечать вежливо, с едва заметной усмешкой во взгляде, *думаешь, я глупая, или как?*

Миа Крюгер потеряла сестру-близнеца много лет назад. Сигрид нашли мертвой, умерла от передоза героина в подвале в Тейене. Миа обвиняла ее друга, и во время планового обследования кемпингового трейлера у озера Трюванн много лет спустя она случайно столкнулась с ним, на этот раз он был с новой жертвой. В состоянии аффекта Миа убила его, выстрелив два раза в грудь. Холгер Мунк сам был там и

знал, что этот поступок можно было легко списать на самозащиту, но из-за того, что он заступался за Мию, его перевели, а саму Мию отправили на лечение. После почти двух лет в полицейском участке Хёнефосса Мунка наконец позвали обратно на место главы отдела расследований на Марибуэсгате. Он также позвал назад Мию, но после того, как они раскрыли дело из папки, их начальник в Грэнланд решил, что она по-прежнему нестабильна. Миккельсон велел ей не появляться в офисе, пока она не посетит психолога, который сможет подтвердить ее трудоспособность.

Мунк отклонил еще один вызов от шефа из Грэнланд и остался сидеть, глядя на себя в зеркало. Чем он вообще тут занимается? Прошло десять лет, и вот он сидит около их старого жилища, где теперь она живет с другим мужчиной, и все еще надеется, что все может наладиться?

Ты идиот, Холгер Мунк. Тебе тоже не мешает сходить к психологу.

Мунк вздохнул и вышел из машины. На улице похолодало. Лето определенно закончилось, как и осень, судя по всему, хотя стояло лишь начало октября. Он застегнул пальто на животе, вытащил из кармана телефон и отправил ответ Юрию.

48 метров;) ХМ

Последний раз затянувшись сигаретой, он достал огромный подарок с заднего сиденья, дважды глубоко вздохнул и медленно направился по гравийной дорожке к белому дому.

Миа Крюгер видела, как шевелятся губы худого человека с тонкими усиками, сидевшего за большим письменным столом, но была не в силах слушать его речь. Слова не доходили до ее ушей. Она скучала по чайкам. Запах морских волн, бьющихся о скалы. Тишина. И снова Миа задалась вопросом, зачем она на это подписалась. Ходить к психологу. Разговаривать о себе. Как будто это может ей помочь. Она достала из кармана пастилку и еще раз пожалела, что согласилась. Надо было просто сказать «нет».

Нестабильна и не годна для работы.

Чертов Миккельсон, ничего не знающий, не работавший ни над одним делом, сидит на своем теплом местечке только потому, что знает, как правильно облизывать политиков с головы до ног.

Миа вздохнула, еще раз попытавшись вникнуть в речь человека за письменным столом; видимо, он ждал от нее ответа, но вопроса она не слышала.

— Что вы имеете в виду? — переспросила она, передав мысленный привет молодой худенькой девушке с выбритым затылком и светлой челкой, которая только что вышла через большую дверь в комнату ожидания, заваленную бессмысленными для Мии журналами. *Выздороветь с помощью психологических тренировок. Верни форму на раз-два-три.*

– Таблетки? – в третий раз повторил психолог, откинувшись на спинку стула и сняв очки.

Знак близости. Хочет показать ей, что тут она в безопасности. Миа вздохнула, положив на язык пастилку. Как будто он не знает, с кем разговаривает. Она видела людей насквозь с самого детства. Вот почему она скучала по чайкам. В них нет зла. Только природа. Удары волн о скалы. Звук тишины и больше ничего вокруг.

– Хорошо, – отозвалась Миа, надеясь, что ответ правильный.

– Так значит, вы закончили их принимать? – спросил психолог, снова надевая очки.

– Уже много недель назад.

– А алкоголь?

– Ни капли уже очень давно, – снова солгала Миа.

Она бросила взгляд на часы, висящие у него над головой, на стрелки, тикающие слишком медленно и показывающие, что ей нужно пробыть здесь еще некоторое время. Она снова с ненавистью подумала о Миккельсоне и об этом психологе с офисом в лучшем районе на западе Осло, но придержала последнюю мысль. Это не его вина. Он просто хочет помочь. И, по словам многих, он один из лучших. Психолог Маттиас Ванг. На самом деле, ей повезло, она просто выбрала его имя в интернете после того, как решила попробовать. Она не хотела ходить к одному из служебных. Обязанность хранить врачебную тайну в Грёнланд? Совершенно неочевидно, не в

ее случае, не с Мией Крюгер.

– Думаю, нам нужно немного поговорить о Сигрид.

Миа успела немного расслабиться, но тут же снова собралась. Он мог быть сколько угодно милым и хорошим, но Миа пришла сюда не для того, чтобы говорить о своем личном. Ей нужно вернуться на работу. Взять пару часов у психолога. Получить необходимые бумаги. *Она выглядит абсолютно здоровой, хорошо общается, осознает свои проблемы. Рекомендую немедленно вернуться к службе и приступить к обязанностям в полном объёме.*

Она слегка улыбнулась про себя и послала воображаемый средний палец Миккельсону.

Не годна для работы.

Поначалу ей, конечно, хотелось просто послать всех куда подальше, но спустя пять недель одиночества в новой квартире, которую она купила в Бишлетте, в окружении коробок, которые она была не в силах распаковать, запертая в теле, все еще страдавшем от таблеток, которыми она кормила себя так долго, – она сдалась. Она потеряла всех, кого любила. Сигрид. Маму. Папу. Бабушку. На кладбище в Осгордстранден не хватало только ее. Все, чего ей хотелось, – покинуть этот мир. Избежать этого кошмара. Но через некоторое время Миа поняла, что она по-настоящему любит своих коллег. Время, проведенное на работе после одинокого заточения на острове, подарило ей ощущение, что, может быть, все же есть какой-то смысл жить дальше. По крайней мере, попытаться.

На время. Они – хорошие люди. Добрые люди. Те, кто ей не безразличен.

Мунк. Карри. Ким. Анетте. Людвиг Грёнли. Габриэль Мёрк.

– Сигрид? – повторил мужчина за письменным столом.

– Что? – переспросила Миа, мысли ее снова были далеко, она думала о той девушке, которую видела выходящей из кабинета, та была на приеме перед Мией, лет на пятнадцать моложе, но и она словно немного пристыжена: *да, да, я хожу сюда, я тоже, и я тоже не нормальная.*

– Нам необходимо это сделать.

Опять психолог с вопросами, и похоже, на этот раз уже не отвертеться.

Сигрид Крюгер.

Сестра, подруга и дочь.

Родилась 11 ноября 1979 года.

Умерла 18 апреля 2002 года.

Помним, любим, скорбим.

Психолог снова снял очки и откинулся на спинку стула.

– Рано или поздно нам придется о ней поговорить, вам так не кажется?

Миа застегнула кожаную куртку на молнию и показала на настенные часы.

– Обязательно, – кивнула она, слегка улыбнувшись. – Но уже в следующий раз.

Маттиас Ванг немного разочаровался, увидев, что стрел-

ки показывали окончание приема.

– Да, хорошо, – сказал он, положив ручку на записную книжку на столе перед собой. – На следующей неделе в это же время?

– Ок.

– Очень важно, чтобы... – продолжил мужчина с усиками, но Миа уже направилась к выходу.

Холгер Мунк почувствовал знакомое раздражение и в то же время некоторое облегчение, войдя в свой прежний дом впервые за десять лет. Раздражение – из-за того, что согласился отметить день рождения Марион здесь. Облегчение – потому что он переживал, каково ему будет тут, в окружении воспоминаний, он не знал, как воспримет это, но дом, в который он попал, был не похож на старый. Они сделали ремонт. Ободрали обои. Перекрасили стены в другие цвета. С удивлением Мунк подумал, что в старом доме довольно приятно, и чем больше он осматривался, тем спокойнее ему становилось. Рольфа, учителя их Хурума, тоже не было видно. Может быть, это будет не такой уж плохой вечер?

Марианне встретила его в дверях, с тем же выражением лица, что и прежде, когда им приходилось проводить время вместе: конфирмация, дни рождения или похороны – вежливо и мило: «Привет». Никаких объятий или проявлений чувств, но и никакой горечи, разочарования или ненависти в ее глазах Мунк не увидел, как случилось после развода. Только сдержанная и все же доброжелательная улыбка, *добро пожаловать, Холгер, располагайся в гостиной, я сейчас украшаю торт для Марион, шесть свечек. Ты только представь, какой большой она стала!*

Мунк повесил пальто в коридоре и уже собирался занести

подарок в гостиную, когда раздался вопль, а за ним последовали маленькие бойкие шажочки по лестнице со второго этажа.

– Дедушка!

Марион подбежала к нему и крепко обняла.

– Это мне? – спросила малышка, во все глаза глядя на подарок.

– С днем рождения, – улыбнулся Мунк, погладив внучку по голове. – Каково это, чувствовать себя шестилетней?

– Ничего особенного, на самом деле, почти так же, как вчера, когда мне было пять, – отвечала Марион не по годам взрослым тоном, не сводя глаз с подарка. – Можно я сразу его открою, дедушка? Ну, пожалуйста, можно?

– Нужно подождать, когда мы споем песню «С днем рождения тебя», – сказала Мириам, спускаясь по лестнице.

Дочь подошла к Мунку и обняла его.

– Как хорошо, что ты приехал, папа. У тебя все хорошо?

– Все нормально, – сказал Мунк и помог ей занести большой подарок в гостиную и поставить его на стол, где уже лежали другие подарки.

– О, это всё мне, ну давайте откроем поскорее, – умоляла маленькая девочка, очевидно, ей казалось, что она ждет уже слишком долго.

Мунк украдкой взглянул на дочь, и она улыбнулась в ответ. Было приятно встретиться с ней взглядами. Их отношения после развода были, мягко говоря, какими угодно, кро-

ме дружеских, но кажется, в последние месяцы ненависть, которую Мириам чувствовала к отцу все эти годы, постепенно сходилась на нет.

Десять лет. Прохладные отношения между отцом и дочерью. Из-за развода. Потому что он слишком много работал. И вот, так странно, но именно его работа сблизила их снова, как будто справедливость все-таки восторжествовала. Менее шести месяцев назад они раскрыли большое дело, наверное, одно из самых трудных в истории отдела, и Мириам с Марион были напрямую замешаны в нем. Пятилетнюю девочку похитила сумасшедшая женщина, и можно было бы подумать, что это только увеличит дистанцию между ними, что дочь снова будет считать его ответственным за все случившееся, но все произошло наоборот. Мириам совсем не ополчилась на него и испытывала одно только безграничное счастье, когда отдел раскрыл преступление. Какое-то новое, особое уважение. Он видел это в ее глазах, теперь она смотрела на него иначе, понимая, какую важную работу он делает. Они ходили на терапию, и Мириам, и Марион, к профессиональному полицейскому психологу, чтобы пережить весь этот ужас, который с ними произошел, но, к счастью, оказалось, что у девочки не осталось глубокого следа. Наверное, она еще слишком маленькая, чтобы осознать, как плохо все могло кончиться. Конечно, несколько ночей было тяжело, Марион плакала, просыпаясь от страшных снов, но это быстро прошло. Маме, естественно, было труднее. Мириам про-

должила ходить на сеансы одна, без Марион. Может быть, она все еще ходит туда, Мунк точно не знал, они были не так близки, чтобы она рассказывала ему абсолютно все. Но по крайней мере, они шли к этому. Шаг за шагом.

– А где Юханнес? – спросил Мунк, когда они сели на диван.

– А, понимаешь, у него дежурство, ему позвонили из Уллевола. Ему пришлось поехать. Вернется, если получится. Работа – она такая, ничего хорошего, когда ты важная персона, – сказала дочка, подмигнув ему.

Мунк дружелюбно улыбнулся в ответ, как бы говоря «спасибо».

– Вот и торт готов, – сказала Марианне, входя в гостиную с улыбкой на лице.

Холгер Мунк тайком бросил на нее взгляд. Ему не хотелось пялиться, но он не мог отвести глаз. Они встретились взглядами, и Мунку вдруг захотелось хитростью увести ее на кухню и крепко обнять, прямо как в старые добрые времена, но, к счастью, он смог взять себя в руки, не без помощи вовремя подоспевшей Марион, которая уже не в силах была сдерживаться.

– Можно мне открыть, ну пожалуйста? Подарки намно-о-о-го важнее этой дурацкой песенки!

– Мы должны спеть и задуть свечи на торте, – сказала Марианне, погладив внучку по волосам. – И еще нам всем нужно немного подождать, чтобы все смогли увидеть, какие пре-

красные подарки тебе подарили.

Марианне, Мириам, Марион и он. О лучшей компании за ужином Холгер Мунк не мог и мечтать. Но слова бывшей жены о том, что они еще кого-то ждут, прозвучали как реплика из пьесы, условный знак, за которым что-то должно произойти, и действительно: входная дверь открылась, и за ней оказался Рольф, учитель из Хурума, с улыбкой на лице и с огромным букетом цветов в руках.

– Привет, Рольф, – засмеялась Марион и побежала к двери обнять его.

Мунк почувствовал неприятный укол, когда маленькие ручки обвили шею этого мужчины, который абсолютно ему не нравился, но это быстро прошло. Для него эта малышка была важнее всего на свете, а для нее всегда было так: девушка один, бабушка вместе с Рольфом.

– Посмотри, сколько у меня подарков!

Она потащила учителя из Хурума в гостиную, чтобы он посмотрел на стол с подарками.

– Как здорово, – сказал учитель, погладив ее по голове.

– А это тоже мне? – спросила Марион, показав на большой букет цветов в руках Рольфа.

– Нет, это для бабушки, – сказал Рольф, посмотрев на Марианне; она стояла в дверном проеме и улыбалась, глядя на них.

От Мунка не ускользнуло то, какой взгляд послала бывшая жена Рольфу в ответ. И вдруг все закончилось. Хорошее

чувство. Идиллия. Псевдоидиллия. Он встал, чтобы поздороваться, пожал учителю руку и остался стоять и смотреть, как человек, которого он ненавидел, протягивает его бывшей жене шикарный букет и целует ее в щеку.

К счастью, его снова спасла Марион; раскрасневшаяся от нетерпения, она отказывалась ждать дольше.

– Нам нужно скорее-е-е-е закончить с песней, – громко сказала девочка, невольно напомнив Мунку, зачем он, собственно говоря, сюда пришел.

Они быстро спели, да и Марион все равно не слушала. Она задула свечи на торте и мгновенно принялась за подарки.

Уже через полчаса девочка закончила и, переводя дух, сидела перед своими подарками. Барби пришлось девочке по вкусу, она бросилась дедушке на шею, и хотя он ожидал порицания со стороны Мириам за то, что опять разбаловал внучку и подарил не то, все обошлось. Дочь лишь улыбнулась, словно говоря «спасибо», дала ему понять, что все в порядке.

Когда Марион открыла подарки, в комнате на секунду повисла неловкая пауза. Марианне с учителем на диване по другую сторону стола словно ждали какого-то разговора, который на самом деле всем был неприятен, но к радости Мунка, на этот раз его спас телефонный звонок. Опять Миккельсон, и теперь он был весьма кстати. Мунк извинился и вышел на лестницу, прикурил вожделенную сигарету и ответил.

– Слушаю.

– Ты решил перестать брать трубку или как? – произнес раздраженный голос на другом конце.

– Семейные дела.

– Как мило, – саркастически заметил Миккельсон. – Извини, что отвлекаю от идиллии, но ты мне нужен.

– Что случилось? – спросил Мунк с интересом.

– Девочка-подросток, – продолжил Миккельсон, немного успокоившись.

– Где?

– Дальний Хурум. Пеший турист нашел ее несколько часов назад.

– И мы уверены?

– В чем?

– Что это статья 233²?

Мунк глубоко затянулся сигаретой. Из-за двери был слышен смех маленькой Марион. Кто-то бегал за ней по дому, скорее всего, этот идиот, занявший его место. Мунк раздраженно помотал головой. Отметить день рождения в старом доме. И о чем он только думал?

– К сожалению, да, – продолжил Миккельсон. – Ты нужен мне там немедленно.

– Хорошо, еду, – сказал Мунк и положил трубку.

Он выбросил окурочек и пошел вверх по лестнице, когда дверь открылась и вышла Мириам.

– Все в порядке, папа? – спросила дочь, посмотрев на него

² Статья об убийстве в норвежском уголовном кодексе.

с беспокойством.

– Что? Да-да... Просто... по работе...

– Ладно, – сказала Мириам. – Я только подумала, что должна...

– Что должна, Мириам? – нетерпеливо перебил Мунк, но, тут же взяв себя в руки, бережно погладил ее по плечу.

– Должна подготовить тебя к большой новости, – сказала дочь, не глядя ему в глаза.

– Что за новость?

– Они собираются пожениться, – быстро проговорила Мириам, все еще отводя взгляд.

– Кто?

– Мама с Рольфом. Я пыталась убедить ее, что сейчас не лучший момент, чтобы объявлять об этом, но...

Мириам посмотрела на него, явно обеспокоенная.

– Так ты зайдешь в дом?

– Мне нужно на работу, – коротко ответил Мунк, не зная, что еще должен был сказать.

Пожениться? Вечер начался так хорошо, ему казалось... – да что он вообще такое себе вообразил? Он разозлился сам на себя. Чего он ожидал? Идиот. Но сейчас нужно думать о другом. О более важных вещах.

– Ты уверен? – спросила Мириам.

– Да, – кивнул Мунк.

– Подожди, я принесу твою куртку, – сказала Мириам. Она зашла в дом и вернулась с его пальто.

– Передавай от меня поздравления, – сухо добавил Мунк и пошел к машине.

– Позвони мне, ладно? Я очень хочу поговорить с тобой кое о чем, это важно для меня, в любой день, когда сможешь, хорошо? – крикнула Мириам ему вслед.

– Конечно, Мириам, – сказал Мунк, торопливо прошагал по гравийной дорожке, быстро сел в черный «Ауди» и завел мотор.

Часы едва пробили пять, но было уже почти совсем темно, когда Холгер Мунк подъехал к полицейским ограждениям в дальней части Хурумланне. Он показал свой пропуск в окно, и молодой стажер быстро помахал ему, приглашая проехать дальше. Парень выглядел смущенным из-за того, что остановил его.

Мунк припарковался на обочине в нескольких сотнях метров от ограждений и вышел на холодный воздух. Он прикурив сигарету и плотнее укутался в пальто.

– Мунк?

– Да?

– Ульсен, окружная полиция.

Мунк пожал руку в перчатке, принадлежащую высокому полицейскому средних лет, которого он не узнал.

– Каков статус?

– Жертва найдена примерно в пятистах метрах от дороги в северо-восточном направлении, – сказал плотный мужчина, указывая на темный лес.

– Кто сейчас на месте?

– Криминалисты. Судмедэксперты. Один из ваших... Кульстад?

– Кульсё.

Мунк открыл багажник «Ауди», достал сапоги и уже со-

бирался их надеть, когда у него зазвонил телефон.

– Мунк.

– Это Ким. Ты приехал?

– Да, я стою на дороге, а ты где?

– Наверху у шатра. Вик закончил и начинает терять терпение, но я сказал, чтобы они оставили ее на месте, пока ты не приедешь. Я спущусь и заберу тебя.

– Хорошо. Как все выглядит?

– Нам придется на время забыть о сне. Это сумасшедший психопат.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Мунк, вдруг ощутив, как неприятное чувство разливается по телу.

Сумасшедший психопат?

Холгер Мунк вот уже почти тридцать лет занимает кресло следователя по делам об убийстве и видел многое, такие вещи, которые заставили бы обычных людей лишиться сна, но он редко терял самообладание. Обычно ему удавалось соблюдать профессиональную дистанцию по отношению к тому, что приходилось видеть, и если бы эту фразу произнес кто-нибудь другой, он бы не забеспокоился. Миа очень чувствительная, принимает все близко к сердцу, Карри все время на взводе, но Ким Кульсё?.. Мунк почувствовал, что ему все это не нравится.

– Мне рассказать или сам посмотришь? – продолжил Кульсё.

– Расскажи кратко, – сказал Мунк и заткнул пальцем ухо,

когда патрульная машина рядом вдруг завывла сиреной и промчалась мимо него.

– Ты тут? – спросил Кульсё в трубке.

– Да-да, повтори, что ты сказал.

– Девочка, предположительно шестнадцать – семнадцать лет, – продолжил Кульсё. – Голая. Похоже на какой-то, как бы это сказать... ритуал? Все вокруг нее в перьях. И свечи...

Мунк опять заткнул ухо пальцем, когда еще одна патрульная машина с включенной мигалкой проехала следом за первой.

– ...образуют какой-то символ...

Кульсё опять пропал. Мунк бросил раздраженный взгляд на начальника Ульсена, тот разговаривал по телефону и махал руками в сторону ограждения; там что-то происходило.

– Я тебя не слышу, – сказал Мунк.

– ...очертание какой-то звезды, – продолжил Кульсё.

– Что?

– Голая девочка. Ее тело расположено в странной позе. Глаза широко раскрыты. Здесь полно перьев...

И Кульсё снова исчез.

– Я не слышу тебя, – прокричал Мунк, снова заткнув пальцем ухо.

– ...цветок...

– Что?

– Кто-то засунул ей в рот цветок.

– Засунул что?

– Ты пропадаешь, – проскрежетал голос Кима. – Я спускаюсь.

– Давай, я стою у... – прокричал Мунк в трубку, но Кульсё уже отключился.

Мунк тряхнул головой, еще раз глубоко вдохнул сигаретный дым. К нему подошел Ульсен.

– У нас тут парочка любопытных журналистов пыталась прорваться за ограждение, но, думаю, теперь нам наконец удалось оцепить всю область.

– Хорошо, – кивнул Мунк. – Вы начали обход? В домах наверху?

– Да, – кивнул Ульсен.

– Кто-нибудь что-нибудь видел?

– Мне пока ни о чем не сообщали.

– Ок, проследите, чтобы охватили кемпинг, который чуть дальше по этой дороге; он, наверное, закрыт на зиму, но дома-фургоны еще стоят. Кто знает, вдруг нам повезет.

Начальник кивнул и исчез.

Мунк надел высокие сапоги и вытащил шапку из кармана пальто. Выбросив окурок, он красными окоченевшими пальцами зажег новую сигарету, с трудом добыв огонь из зажигалки. Черт побери, разве не только что было лето? Едва пять вечера – и уже темно и холодно, как ночью.

Ким с потемневшим лицом вышел к нему из рощи, держа в руках большой карманный фонарь.

– Ты готов к этому?

Готов к этому?

Кульсё действительно был сам не свой. Было ясно, что это зрелище в лесу так на него повлияло, и Мунку стало еще больше не по себе.

– Иди за мной вплотную. Тут непроходимая чаща. Ладно?

Мунк кивнул и пошел за своим обычно таким спокойным коллегой по тропинке, ведущей через лес.

Мириам Мунк стояла на пороге квартиры на Мёллерсга-те и размышляла, стоит ли позвонить в дверь или лучше не надо.

Квартира Юлие. Одной из ее старых подруг. Юлие пи-сала ей несколько раз и говорила, что Мириам обязательно должна прийти. Подруги были очень близки несколько лет назад, в те времена, когда они зависали в «Блитце» и запи-сались добровольцами в «Международную амнистию»³; мо-лодые бунтарки, у которых вся жизнь впереди, они верили, что в протесте против верховной власти действительно есть смысл. Как будто все это было целую вечность назад. Совсем другие времена. Совсем другая жизнь. Мириам вздохнула и потянулась к дверному звонку, но отдернула руку и продол-жила стоять и думать. Марион осталась у бабушки с Роль-фом. С ночевкой. Она хотела провести у них все выходные после дня рождения, настаивала на этом. Юханнес на рабо-те, как всегда. Их квартира пуста и угрюма, и, тем не менее, она никак не решалась позвонить. Не то чтобы она не была на вечеринках с рождения Марион, господи, она вела пол-ноценную социальную жизнь, – нет, ее останавливало что-то иное. Она бросила взгляд на свои туфли, и они показались ей дурацкими. Платье и красивые туфли. Мириам и вспом-

³ Организация по борьбе за права человека.

нить не могла, когда последний раз так наряжалась. Больше часа она провела дома перед зеркалом, мерила разные наряды, красилась, меняла образ, переодевалась, стирала макияж, садилась на диван, включала телевизор, пыталась найти какой-то способ успокоиться, но волнение не проходило. Потом она опять выключила ТВ, накрасилась заново, померила еще несколько платьев и вот, теперь она здесь. Нервничала, как подросток, чувствовала бабочек в животе в первый раз за очень долгое время.

Что ты такое творишь?

Она покачала головой. *Ведь она же счастлива.* В последние недели она много раз повторяла себе эту фразу. *Ты счастлива, Мириам. У тебя есть Юханнес. У тебя есть Марион. У тебя та жизнь, которую ты хочешь.* И все-таки она не могла избавиться от этих мыслей. Перестать думать о том, о чем думать не следует. Она пыталась, но мысли не уходили. Они были с ней, когда она лежала ночью и пыталась заснуть. Утром, в первую же секунду, как она просыпалась. Перед зеркалом в ванной, пока она чистила зубы. Когда она провожала Марион в школу и махала ей на прощание за большими коваными воротами. Лицо. *Лицо.* Все время одно и то же лицо.

Нет, так не пойдет.

Она наконец определилась.

Дальше она не пойдет.

Мириам перевела дыхание и быстро пошла вниз по лест-

нице, как вдруг дверь открылась и вышла Юлие.

– Мириам? Ты куда?

Подруга уже явно хорошенько выпила, помахивая полным бокалом красного вина, она громко засмеялась.

– Я увидела тебя в окно, но подумала, вдруг ты заблудилась. Пойдем, тут полно народу.

Юлие подняла бокал, словно провозглашая тост, и снова жестом пригласила Мириам в квартиру.

– Перепутала этажи, – соврала Мириам, медленно поднялась обратно и обняла подругу.

– Милашка, – ухмыльнулась Юлие и поцеловала ее в щеку. – Идем же, идем скорее.

Коротко стриженная подруга, с которой Мириам несколько лет назад делила все, потащила Мириам за собой в квартиру, захлопнув дверь.

– Нет, обувь снимать не нужно, пойдем же, тебе надо со всеми познакомиться.

Мириам неохотно прошла в гостиную, полную людей. Они сидели на подоконниках, на диванах, на подлокотниках и на полу, маленькая квартирка была забита битком. Запах табака и менее легальных веществ тяжело висел в комнате над бутылками и стаканами всех возможных форм и размеров. Молодой паренек с зеленым ирокезом захватил колонки и включил группу «Ramones» так громко, что дрожали стены, так громко, что Юлие пришлось кричать, чтобы привлечь внимание, хотя Мириам вполне могла обойтись без

этого внимания, но уже было поздно.

– Эй, Кюрре, эй, – засвистела Юлие. – Выключи этот панк!

Мириам молчала, чувствуя себя чересчур разодетой и слишком заметной, стоя рядом с подругой в дверном проеме.

– Привет всем-всем, приве-е-е-ет, – закричала Юлие снова, когда парень с ирокезом неохотно убавил громкость. – Это моя старая добрая подруга Мириам. Она тусовалась с важными персонами, так что попробуйте сегодня вести себя как люди, а не как обезьяны, ладно?

Она посмеялась над своей же шуткой и снова подняла бокал.

– Ах да, эй-эй, закончили еще кое-что. Мириам – дочка полицейского. Ее отец – сам супердетектив Холгер Мунк, так что уберите гашиш, а если не уберете, сюда может в любую минуту ворваться отряд по борьбе с наркотиками. И да, Гейр, я имела в виду тебя.

Она подняла бокал, указывая на парня в исландском свитере и с дредами, который раскачивался на подоконнике с большой скруткой во рту.

– Все, теперь можешь делать громче, – улыбнулась она пареньку с ирокезом. – Но, плиз, если будешь ставить панк, выбери что-нибудь нормальное, «Black Flag», или «Dead Kennedys», или в таком духе, правда, Мириам?

Мириам слегка пожала плечами. Больше всего ей хотелось провалиться сквозь землю, но к счастью, кажется, никто особо не обратил внимания на сказанное. Через две секун-

ды опять заорала музыка, а народ вернулся к своим бокалам, как будто ничего не произошло, а Юлие потащила Мириам через всю комнату на кухню и налила ей полный до краев бокал из стоявшего на столе бочонка с красным вином.

– Как хорошо, что ты пришла, – улыбнулась подруга и еще раз крепко обняла ее. – Я немножко пьяна, сорри.

– Все хорошо, – улыбнулась Мириам, осторожно скользнув взглядом по кухне.

Того лица не было в гостиной, и тут, в кухне его тоже не было. Может быть, она зря переживала. Вечеринка. Самая обычная вечеринка. Вот и все. Ничего, кроме этого. Она немного переборщила с нарядом, да. Ну и что? Вечеринка с гостями ее возраста, которые пели и были на луну. Все в порядке. Все нормально. Хватит с нее обедов с врачами. Разговоров о машинах и городах, о названиях серебряных приборов и фарфора. Она неправильно оделась, но в остальном все было как в старые добрые времена. Просто вечеринка. Ничего больше. Ничего не случилось.

– Это правда?

Мириам повернулась в ту сторону, где только что стояла Юлие, но ее там уже не было, хозяйка исчезла в гостиной и стояла, наклонившись над ирокезом перед колонками.

– Это правда? – повторил мальчик перед Мириам, осторожно улынувшись.

– Что правда? – переспросила Мириам, еще раз осмотревшись по сторонам.

– Холгер Мунк – твой отец? Полицейский? Следователь по делам об убийстве, вроде бы так?

Мириам почувствовала знакомое раздражение, услышав вопрос. Ей задавали его так много раз, она привыкла к этому с самого детства, *ее папа полицейский, нам нельзя ничего рассказывать Мириам*, но, встретившись взглядами с мальчиком, спросившим ее сейчас, она поняла, что его вопрос безобиден и задан без задней мысли. Парень был одет в белую рубашку, носил круглые очки и просто был любопытным, без злых намерений.

– Да, это мой отец, – ответила Мириам, и в первый раз за долгое время ощутила, что это не так страшно произнести вслух.

– Классно, – сказал парень в круглых очках, пригубив из своего стакана, как будто искал слова, чтобы что-то сказать, но не находил их.

– Ну да, неплохо, – отозвалась Мириам, снова устремив взгляд через края бокала с вином.

– А ты чем занимаешься? – спросил парень.

– В каком смысле? – немного холодно переспросила Мириам, почти на автомате, но тут же пожалела об этом.

Мальчик был просто смущен и растерян. Старался поддерживать разговор, может, это и было похоже на допрос, но на самом деле он ничего такого не хотел, это вышло не нарочно. Ей стало чуть ли не жаль его: стоит, цепляется за свой стакан в надежде, что этот вечер может стать его. Одет он был

так же не в тему, как и она: белая рубашка, узкие брюки и ботинки, которые должны были выглядеть как начищенные дорогие итальянские, но на деле были дешевой подделкой. Она встряхнула головой, словно пытаясь избавиться от этих мыслей. Несколько лет назад она сама бы сидела на подоконнике со скруткой во рту или стояла бы на столе с распущенными волосами и бутылкой в руках, а теперь она действительно знала, как выглядит брендовая обувь «Scarosso».

– Я мама, – дружелюбно ответила она. – Я немного училась на журналиста и подумываю начать заново, но пока что я мама на полный рабочий день.

– Ах, вот как, – отреагировал мальчик в круглых очках, одарив ее немного разочарованным взглядом, который она так много раз видела в барах и кафе.

Мириам Мунк была красивой девушкой и никогда не чувствовала недостатка во внимании и поклонниках. Фразы «*у меня шестилетняя дочка*» было обычно достаточно, чтобы они убежали, поджав хвост.

– А ты чем занимаешься? – доброжелательно спросила она, но, кажется, допрос был окончен, и мальчик в круглых очках уже смотрел в другую сторону.

– Он настоящий черт в дизайне плакатов, правда, Якоб? И все-таки оно оказалось здесь.

Это лицо.

– Якоб, это Мириам, Мириам, это мой друг Якоб, я вижу, вы уже познакомились, как хорошо.

Лицо подмигнуло ей и улыбнулось.

– А, так это про нее ты... – начал мальчик в круглых очках, глуповато запнулся и вдруг очень резво ретировался.

– Думаю, мне нужно налить еще, да, – пробормотал он, показав на свой стакан, и исчез.

– Про нее? Интересно, и что же ты говорил про нее? – улыбнулась Мириам.

– А, ну, знаешь, – сказала лицо, посмеявшись. – Кстати, у тебя красивое платье, приятно видеть здесь кого-то с хорошим вкусом.

– Спасибо, – сказала Мириам, сделав небольшой реверанс.

– Ну и? – спросило лицо.

– Что – и? – не поняла Мириам.

– Разве тут не слишком многолюдно?

– Да, слишком, – хихикнула Мириам.

– Я слышал, что тут рядом, в «Интернационале» подают хорошую «Маргариту», – улыбнулось лицо.

– Не думала, что когда-нибудь это скажу, – засмеялась Мириам, – но сейчас бы мне не помешало немного текилы.

– Так и сделаем, – подмигнуло лицо.

Он отставил свой бокал на стол и спокойно пошел перед ней к выходу сквозь шумную толпу.

Полицейский Юн Ларсен, в кругу друзей более известный как Карри, пытался открыть дверь в свою квартиру, но никак не мог попасть ключом в замочную скважину.

Он много раз обещал своей любимой бросить. Они долго копили деньги. Откладывали по две тысячи крон каждый месяц больше года. Она хотела на Фиджи. Три недели в раю. Пить экзотические коктейли с зонтиками. Купаться с разноцветными рыбками в лазурно-голубой воде. Отдохнуть от работы, которая ей на самом деле не нравилась. А теперь он опять все испортил.

Карри тихо выругался на самого себя, наконец смог засунуть ключ в маленькую скважину и запер за собой дверь так тихо, как только мог. Попробовал повесить куртку, но врезался в вешалку и теперь стоял, покачиваясь, и размышлял, стоит ли идти в спальню или сразу изгнать себя на диван. На нем он обычно спал, когда приходил домой таким, пьяным в стельку, не в состоянии убрать за собой, пустившим на ветер сбережения. Еще один вечер игры в покер, опять все проиграл, очень много проиграл. Он так хорошо держался весь вечер, но поставил ва-банк со стритом⁴, а блестящие зубы на другом конце стола встретили его стрит-флешем⁵, и все

⁴ В покере пять карт по порядку.

⁵ Пять карт одной масти по порядку.

жетоны Карри вдруг сменили владельца. Ему просто нужно было напиться в дрова, разве она этого не понимает? После восьми часов за столом. Всю ночь играя как бог. Бросаясь вперед, когда надо. Повышая ставки, когда надо. Блефуя, когда без этого было не обойтись. Он играл хорошо, действительно хорошо. *Сегодня Карри играет как настоящий мужик.* Но в конце все пошло прахом. Минутный триумф, почти сорок тысяч в банке, он ни за что не проиграет их, это его вечер, наконец-то – и вот все закончилось как обычно.

Дьявол.

Он оперся спиной о стену, наконец снял ботинки, пошатываясь, зашел в гостиную и сосредоточил свое внимание на диване.

В последнее время столько всего произошло, разве она этого не понимает? Столько всего навалилось, и ему это нужно, немного свободы от всего. Фиджи – это ее мечта, коктейли – это неплохо, но разве обязательно лететь через весь мир, чтобы выпить? Почему не сделать этого дома? Он не особенно любит купаться и лежать на пляже, обычно обгорает после первого дня на солнце и сидит в тени оставшиеся дни. Карри даже рассердился на это. Вразвалку он дошел до белого дивана из «ИКЕА» и взгромоздил на него свое тучное тело. Положив голову на одну из подушек, он попытался натянуть на себя плед, но, так и не дойдя выше коленей, вдруг проснулся от телефонного звонка – он и не заметил, как уснул.

– Алло?

За окном был день. Тусклое октябрьское солнце светило в лицо, избежать реальности было невозможно. Опять он напился как свинья и просрал все накопленные ими деньги из-за чертова стрита против флеш-стрита.

– Ты проснулся?

– Проснулся? – пробормотал Карри, не в силах оторвать голову от подушки.

Мунк явно нервничал и был в очень плохом настроении.

– Мы собираем всех на общий брифинг, сможешь через час?

– В воскресенье?

– Ты в состоянии?

– Я... – начал Карри.

Во сне он пустил слюни. Почувствовал, что щека мокрая. Голова раскалывалась, и с языка с трудом шли слова.

– В офисе через час?

– Конечно, – пробурчал Карри. Ему удалось наполовину выбраться с дивана, прежде чем тело грубо напомнило о предыдущем вечере и заставило лечь обратно.

– Я только должен... сказать Сунниве... отменить воскресную прогулку... Мы собирались в горы, немного подышать свежим воздухом, но...

Карри осторожно огляделся в комнате наполовину раскрытыми глазами в поисках своей невесты, которой, судя по всему, не было дома.

– Прости, что нарушил семейную идиллию, но ты должен приехать, – сухо сказал Мунк.

– Что... произошло?

– Не по телефону. Через час, хорошо?

– Да, да, конечно, еду, мне только нужно... – продолжил толстый, страдающий от жуткого похмелья полицейский, но Мунк уже положил трубку.

Скрючившись, Карри добрался до кухни и принял три таблетки от головной боли, запив их целым литром воды. С трудом дошел до душа и стоял там, пока не кончилась горячая вода.

Он набирал входной код на доме 13 по Марибуэсгате, когда увидел приближающуюся Аннете Голи. Карри она нравилась. Достаточно спокойная, ничего из себя не изображает, но чертовски искусный полицейский адвокат, всегда прямая без всякой чепухи. И хотя некоторые думали, что она чересчур заискивает перед Миккельсоном и сделает все что угодно, чтобы получить повышение, Карри никогда не видел подтверждения этому.

– Привет, – сказала Аннете и прошла вперед него в лифт.

– Ага, привет, – пробормотал Карри.

Запах виски и сигар теперь отчетливо чувствовался, и Карри прокашлялся, чтобы прочистить горло.

– Длинная ночка выдалась? – спросила Аннете и криво улыбнулась из-под светлой челки.

– Нет... а что?

– От тебя пахнет, – сказала Аннете.

– Пропустил пару стаканчиков, не больше, – пробубнил Карри, ощутив, как все вчера выпитое просится обратно, когда лифт зашумел на пути на третий этаж.

– Так что случилось? – сказал он, выдавив улыбку.

– Девочка-подросток, найдена в Хуруме, – кратко сказала Аннете.

– Вот как, а есть... следы? – начал Карри, когда лифт до-
ехал.

Аннете странно посмотрела на него, слегка покачав головой, и прошла вперед в офис.

Карри воспринял это как знак, что сегодня лучше держать рот на замке. Раскачиваясь, он зашел в столовую, налил себе большую чашку кофе и принес ее так аккуратно, как только мог, в переговорную.

Коротко кивнул всем коллегам: Ким Кульсё, Людвиг Грёнли, Габриэль Мёрк, новая девушка, которую Мунк недавно принял, – как же ее зовут, кажется, на «и»? Коротко стриженные светлые волосы, по-своему красивая, но слишком похожая на мальчика в такой одежде, на его вкус. Ильва, точно, вот как ее зовут. Карри выбрал себе место на задних рядах и осторожно поставил чашку на стол перед собой, чтобы не облиться.

Мунк уже занял место на подиуме и стоял с пультом от проектора в руке. На лбу его пролегли глубокие морщины, и он не улыбался, как имел обыкновение делать перед общим

брифингом.

– Выключишь свет, Людвиг? – кратко сказал он, нажимая на кнопку.

На стене за его спиной появилась фотография. На ней была обнаженная девочка с широко раскрытыми глазами. Карри вздрогнул от увиденного. Чертово похмелье. Оно разыгралось в полную силу, и он пожалел обо всем. Надо было соврать. Сказать, что болеет. Остаться на диване. Пот струился под рубашкой, руки тряслись, пальцы не слушались. Карри вцепился в свою чашку кофе в надежде, что никто этого не заметит.

– В 12:40 вчера в лесу в Хурумланне был найден труп девочки, – сказал Мунк. – Недалеко от дороги к горе Харальдсфьелле. Труп обнаружил Том Петтерсон, сорокашестилетний ботаник, сотрудник Университета Осло. Петтерсон приехал фотографировать какое-то растение и случайно наткнулся на девочку.

Карри многое видел в своей жизни и думал, что у него уже выработался своего рода иммунитет, но здесь было что-то совершенно иное, и похмелье совсем не улучшало ситуацию. Голая девочка. До смерти перепуганная. Глаза широко раскрыты. Тело повернуто в странной позе, одна рука указывает вверх, а другая лежит вдоль тела.

Мунк опять нажал на кнопку. Новое фото на экране.

– Согласно заключению патологоанатома, девочку задушили, вероятно, на месте преступления, а потом положили в

эту позу. Мы позже пройдем по всем деталям, но уже сейчас есть смысл обратить внимание на это...

Мунк несколько раз нажал на кнопку, и фотографии на экране сменили друг друга одна за другой.

– Перья.

Новая фотография.

– Свечи.

Новая фотография.

– Парик. Эти фигуры на холме.

Новая фотография.

– Расположение рук.

Новая фотография.

– Эта татуировка. Лошадиная голова, с буквами «А» и «F» под ней.

Карри попробовал отпить кофе, но не смог проглотить и тут же выплюнул обратно в чашку как можно осторожнее. Он был уже больше не в силах следить за тем, что происходит вокруг. Перед глазами все кружилось, и вдруг он почувствовал острую необходимость в свежем воздухе. Он был еще пьян, когда позвонил Мунк. Вот почему он смог доковылять до работы, не развалившись окончательно, но теперь пришло настоящее похмелье, снежная лавина обрушилась. Ему нужно взять себя в руки, чтобы не рухнуть на стол. Самогон? Его он пил? Перед глазами всплыла туманная картинка, лифт в многоэтажном доме в... Эстеросе? Какой-то усатый парень, какие-то женщины на высоких каблуках и слишком тяжелы-

ми духами и большим кувшином спирта на столе. Черт подери, неудивительно, что ему так плохо. Но где же Суннива? Поняла ли она уже, что случилось? Опять уехала к маме, на этот раз с концами?

– И не менее важно вот это.

Карри услышал отдаленный голос Мунка.

Новая фотография.

– Цветок во рту.

– Психопат хренов, – прошипел Ким Кульсё за его спиной.

Карри уже едва держал голову. Вчерашний день хотел покинуть его тело. Он отчаянно посмотрел на дверь, хотел выбежать, но ноги не слушались. Он остался сидеть, тяжело дыша, снова вцепившись в чашку.

– Предварительный отчет патологоанатома, – продолжил Мунк, не обращая внимания на реакцию в комнате, – показывает ряд странностей, которые мы также рассмотрим подробнее позже, но прежде всего, нужно отметить следующее.

Еще фотографии. На некоторые Карри не мог смотреть.

– Синяки на коленях и локтях. Ладони в мозолях. Кроме того, девочка неестественно худая, как видите, почти анорексичная, и причиной этому может служить вот это.

Мунк оставил на экране последнее фото и зарылся в бумаги.

– По словам патологоанатома в ее желудке не было ничего, кроме гранул.

– Кроме чего?

Шум пронесся по комнате.

– Корм для животных? – спросил Людвиг Грёнли.

– Да, – Мунк кивнул.

– Но какого...

– Гранулы?

– Как это возможно?..

– Я не понимаю, – сказала новая девочка, Ильва.

Она была в полном шоке, как будто не осознавала, свидетелем чего стала на самом деле.

– В животе нет ничего, напоминающего обычную еду, – сказал Мунк.

– Да, но я не понимаю...

– Корм для животных, – повторил Людвиг Грёнли.

– Да, но как?..

– Это, как было сказано, только предварительный отчет, – продолжил Мунк. – Завтра Вик обещал мне подробности, так что остается только ждать. А пока...

– Как у нее в животе мог оказаться только корм? – не унималась Ильва, растерянно оглядываясь по сторонам.

Казалось, Мунк хотел что-то сказать, но его прервал телефонный звонок. Взглянув на дисплей, он решил ответить.

– Привет, Рикард, ты получил мое сообщение? – громко сказал он, чтобы показать другим, почему он взял трубку посреди собрания.

Миккельсон. Их шеф из Грёнланд. Карри никогда раньше не слышал, чтобы Мунк называл его по имени. Он уви-

дел, как несколько коллег также переглянулись, в недоумении пожимая плечами.

Мунк взял в рот сигарету и показал на веранду для курения, дав понять, что у них есть пять минут перерыва.

Миа Крюгер сидела на полу на коленках в своей квартире, перед рядом пузырьков с таблетками, и пыталась найти причину не открывать их.

Всю ночь она беспокойно бродила по пустой квартире, часами ходила туда-обратно, обхватив руками свое холодное тело, и наконец упала без сил на матрас перед окном.

Ей снились такие прекрасные сны. Сигрид. Этот сон снился Мии уже много раз. Близняшка бежит к ней в белом платье через золотое кукурузное поле, как в замедленной съемке, улыбается и машет рукой.

Пойдем, Миа, пойдем.

Было так хорошо. Сон успокоил ее. Так тепло. Наконец ей подарили чувство, что жизнь прекрасна. И вдруг она проснулась. Под звуки города. Звуки действительности. В этой все затмевающей темноте. Сейчас она не совсем понимала, зачем согласилась попробовать. Жить. Она ведь все решила, разве нет? Ведь поэтому она переехала на Хитра? Чтобы покинуть все это? Разве не за этим? Она ведь давно уже все решила, неужели нужно опять проходить через все это?

Пойдем, Миа, пойдем.

Да.

Но ведь должна же ты попробовать?

Нет.

Пойдем, Миа, пойдем.

На мгновение Миа пришла в себя и заметила, как окоченела, все тело дрожало. Она плотнее укуталась в одеяло и протянула худую белую руку к одной из коробочек с таблетками. Попыталась прочесть, что на ней написано, но ничего не было видно. Она не включила свет. Она даже не была уверена, что оплатила счет за электричество.

Миа встала, чтобы что-нибудь выпить. Какая она была молодец, убрала все бутылки в попытке жить, быть здоровой и правильной, спрятала их в глубине корзины с грязным бельем в ванной.

Я не пью.

Я просто спрятала бутылки под грязной одеждой, которую нужно постирать, в стиральной машине, которую я даже не подключила, в ванной, в квартире, в районе, в городе, в мире, частью которых мне совсем не хочется быть.

Вдруг она заметила свое собственное лицо в зеркале ванной и вспомнила, как выглядела несколько месяцев назад, в доме там, на берегу Трёнделага.

Миа Лунный Свет.

Индианка со сверкающими голубыми глазами. Длинные черными волосами, волнами струящимися по худым белым плечам. Шрам у левого глаза. Трехсантиметровый след, который никогда не исчезнет. Татуировка в виде маленькой бабочки прямо около резинки трусов на бедре, сделанная в ту ночь юношеского идиотизма в Праге. Она погладила

маленький посеребренный браслет на правом запястье. Им обеим подарили такой на конфирмацию, ей и Сигрид. Детский браслетик – сердечко, якорь и буква. «М» – для Мии, «С» – для Сигрид. В тот вечер, когда праздник закончился и гости ушли, они сидели в своей детской комнате наверху в Огсгортстранде, Сигрид вдруг предложила обменяться.

Давай ты возьмешь мой, а я твой?

С тех пор Миа не снимала этот браслет.

Миа Лунный Свет.

Так ее называла бабушка.

Ты совершенно особенная, знаешь об этом? Другие дети тоже хорошие, но ты знаешь все, Миа, не правда ли? Ты видишь то, чего другие дети не замечают.

Бабушка, которая на самом деле и не была ее бабушкой, приняла ее как родную. Сигрид и Миа. Миа и Сигрид. Две прекрасные девочки, удочеренные пожилой парой, Евой и Кюрге Крюгер, потому что родившая их молодая девушка решила отказаться от них.

Мама. Папа. Бабушка. Сигрид.

Четыре могилы на одном кладбище, не хватало только ее. Миа просунула руку в корзину с грязным бельем, достала бутылку и трясущимися руками донесла ее и поставила у одеяла на пол перед кучей таблеток.

Ходить к психологу?

Идите к чертовой матери.

Она ведь попыталась, разве нет?

Маттиас Ванг. С тоненькими усиками, в лучшем районе западного Осло, добрый и милый, умный и способный, образованный по всем правилам, и несмотря на все это, он не понимал абсолютно ничего.

Знаете, что я думаю, Миа?

Миа открутила крышку бутылки.

Не знаю.

И приложила к бутылке.

Мне кажется, причина вашей болезни – ваша работа.

Она почувствовала, как тепло растекается по горлу.

Что вы имеете в виду?

Почти как в том сне. Сигрид на поле.

Нет, я точно не знаю, но в вас есть что-то, чего нет в других полицейских.

Миа сделала еще глоток, тепло потекло по всему телу.

Что же?

Не имело никакого значения, что на Мии сейчас не было одежды.

Вы слишком сильно переживаете. Мне кажется, это высасывает из вас жизненные соки.

Миа закуталась в одеяло. Стало спокойно и хорошо, это друг, который поможет ей сделать то, что она собирается.

Что же это, Маттиас?

Пять пузырьков с белыми таблетками.

Это зло. Все, через что вам приходится проходить. Все, что вы видите. Все, что трогаете. Для других это просто

работа. А для вас, я не знаю... как будто вы переживаете это сама, будто с вами случаются эти ужасные вещи, не слишком ли драматично я выразился, как думаете?

Миа снова поднесла бутылку к губам.

Я думаю, вы ошибаетесь.

Можно открыть целых пять пузырьков.

Да, конечно, у нас было не так много сеансов, я совершенно не могу сказать, что знаю вас или вообще знаю что-либо, это просто мое... да, как бы точнее выразиться... непосредственное ощущение, чувство по поводу вас.

На этот раз Миа надолго приложила к бутылке.

Поговорим об этом подробнее на следующей неделе?

Нет.

Думаю, мы сможем разобраться в этом, вам так не кажется, Миа?

Нет.

Миа поставила бутылку и спокойно погладила маленький серебряный браслет на запястье.

Нет.

Мне так не кажется.

И начала осторожно откручивать крышки на пузырьках с таблетками на холодном линолеуме.

Холгер Мунк чувствовал раздражение, сидя за рулем черного «Ауди» на пути в Бишлетт. Он остановился на красный на Уллеволсвейен и стал рассматривать улыбающуюся молодую пару с коляской, переходящую дорогу на светофоре перед ним. Закурив, он слегка покачал головой. Как он вообще оказался в такой ситуации? Ведь не так давно у него было все, что можно пожелать. Марианне и он. С Мириам в коляске. Почему это не выходило из головы? Они женятся? У него есть дела поважнее, над которыми надо думать. Семнадцатилетняя девочка. Убита и брошена голой в лесу. На постели из перьев. С цветком во рту. А он заискивал перед Миккельсоном, наверное, это раздражало больше всего. Он понял, что нужно сделать, сразу же, как вошел в белый шатер в лесу и увидел лежащую там девочку. *Ему нужно снова вернуть Мию Крюгер.* У него превосходная команда, это верно, лучшие следователи, но никто не сравнится с ней.

Из задумчивости его вывели сигналы машины сзади. Светофор переключился на зеленый, а молодая пара ушла. Мунк переключил передачу и свернул к стадиону Бишлетт. Поженимся? Почему это так необходимо?

Он только успел припарковаться и собирался выйти из машины, когда зазвонил телефон.

– Мунк, слушаю.

– Это Людвиг.

– Да?

– Думаю, мы опознали ее.

– Уже?

– Думаю, да.

Мунк поручил Людвигу Грёнли и новой ассистентке Ильве проверить списки пропавших.

– Превосходно, Людвиг. Кто она?

– Нам еще нужно подтверждение, но я почти уверен, что это она. Ее звали Камилла Грин. Заявили о пропаже три месяца назад, описание соответствует, рост, цвет глаз, татуировка, но да, есть одна странность.

– В смысле?

– Вот почему это заняло время, – продолжил Людвиг.

Мунк улыбнулся, зажигая сигарету. Заняло время. Прошло не больше двух часов с того момента, когда они разделили рабочие задачи в команде. Он почувствовал легкий укол совести от этой мысли, ему нужна была Миа. У него команда лучших в стране следователей, и он никогда бы не справился без Людвига.

– Расскажи, – сказал Мунк, вылезая из машины.

– Камилла Грин, – продолжил Грёнли; по интонации было понятно, что он читает с монитора. – Родилась 13 апреля 1995 года. Зеленые глаза. Русые волосы до плеч. Рост 168 сантиметров. Вес около 70 килограммов. Сирота. Заявка о пропаже поступила три месяца назад, от Хелене Хенриксен,

управляющей неким заведением под названием «Садоводство Хурумланне».

– Семьдесят килограммов? – переспросил Мунк, доставая папку и закрывая машину. – Это не может быть она, правда? Девочка, которую мы нашли, ужасно худая.

– Знаю, – прервал Грёнли. – Но у меня есть ее фотография, это точно она, Камилла Грин. Все остальное сходится. Татуировка и все остальное.

Грёнли сослался на одну из фотографий в папке Мунка. Голова лошади с буквами «А» и «F» на правом плече.

– Ладно, и когда, ты сказал, они заявили о пропаже?

– Девятнадцатого июля. Вот это как раз странно, поэтому я не смог сразу найти ее в регистре.

– Почему же?

– Эта Хелене Эриксен, заявившая о пропаже, очевидно, забрала заявление, так это вроде называется? Всего несколько дней спустя.

– Ты имеешь в виду, что ее нашли?

Грёнли пропал на пару секунд, как будто опять изучал монитор.

– Нет, ее не нашли. Просто забрали заявление.

– Это кое-что может объяснить, – сказал Мунк, бросив взгляд на окна в квартиру Мии.

Темно в обоих окнах. Он пытался дозвониться до нее, но она не брала трубку, поэтому Мунк решил приехать сам.

– ...но она не отвечает, – продолжил Грёнли.

– Кто?

– Эта Хелене Эриксен. Тут есть ее номер, но она не берет трубку.

– Ок, – сказал Мунк, пересекая улицу. – Ты сказал, сирота? Значит, кто-то должен быть ее опекуном? Есть еще сведения о ней?

– Сейчас больше ничего нет, – ответил Людвиг. – Только это место, «Садоводство Хурумланне».

– И что это?

Мунк пошел к входу и посмотрел на список имен у дверных звонков – бессмысленная затея, конечно, Миа никогда бы не повесила тут свое имя. Он сделал пару шагов назад и еще раз бросил взгляд на окна. Странно, вообще-то. Они жили всего в нескольких кварталах друг от друга, его квартира на Тересесгате была в паре минут отсюда, но он никогда не был у Мии дома. Скорее даже, глупо, чем странно. Он бросил окурок в ведро, взял новую сигарету и почувствовал еще один укол совести. С тех пор, как Миккельсон отстранил Мию, Мунк виделся с ней всего пару раз. Короткие, поверхностные встречи в «Юстисене». Миа казалась такой отсутствующей, говорила немного. Не так уж и странно, наверное. После всего, через что она прошла. Пара телефонных разговоров. Пара чашек чая. Ему следовало бы сделать больше для нее. Быть лучшим начальником. И другом. Но Миа, она же такая, любит свою личную жизнь, не любит, когда ее тревожат, и он просто оставил ее в покое.

– Пока мы не так много выяснили, но это, судя по всему, какой-то дом для проблемных подростков, – продолжил Грэнли.

– «Садоводство Хурумланне»?

– Да. У них есть сайт, но он немного...

– Из девяностых, – на заднем плане послышался голос Ильвы.

– Мало обновляется, – добавил Грэнли.

– Но это садоводство?

– Да. Судя по всему, да. Место для подростков с проблемами, они там работают, или что-то в таком духе, как я уже говорил, пока я знаю немного, это все что у меня есть.

– Хорошо, – сказал Мунк. – Продолжайте работу с этой, как ты ее назвал?

– Хелене Эриксен.

– Да, продолжай звонить, пока не ответит. И посмотри, что еще можно найти по Камилле Грин. Ты знаешь, где искать.

– Уже работаем, – сказал Людвиг.

– Хорошо, – подытожил Мунк и повесил трубку.

Он еще раз набрал номер Мии, но она по-прежнему не отвечала. На секунду Мунк задумался, не позвонить ли во все звонки без имени, пока случайно не попадет правильно, как вдруг проблема решилась: дверь открылась. Молодая женщина в обтягивающем разноцветном спортивном костюме вышла, и Мунк как раз успел выбросить сигарету и под-

няться по лестнице, когда дверь за ним закрылась.

Третий этаж, насколько он помнил. Один раз он провожал ее домой из «Юстисена», и она показала ему на окна.

Тут я живу. Мой новый дом.

Она была пьяна и сказала это с сарказмом.

Дом.

Прозвучало это так, словно на самом деле она так не думает. Тяжело дыша, Мунк поднялся на третий этаж. К счастью, там оказалось всего две квартиры. На одной была вывеска. *Здесь живут Гуннар и Вибекке.* На другой ничего не было.

Мунк расстегнул куртку, два раза нажал на звонок и стал ждать.

Мириам Мунк проснулась в чужой квартире. Не в чужой постели, нет – он оказался джентльменом, даже ничего не предлагал. Принес ей одеяло и застелил диван, в маленькой очаровательной квартирке, не имеющей совершенно ничего общего с квартирой Мириам.

Совсем другая жизнь, похожая на ту, что она вела до того, как забеременела от Юханнеса, можно сказать, более свободная жизнь. В новой квартире во Фрогнере, которую они только что купили, была итальянская плитка на полу. В холодильнике был ледогенератор и отдельный ящик для сохранения свежести овощей. Стиральная машина с электронным дисплеем. Батареи на дистанционном управлении с приложением в телефоне, чтобы можно было приходить домой в идеальную температуру воздуха. Новая машина, Мириам даже не знала, какой марки, но там было все что нужно: GPS, полный привод, подушки безопасности спереди и сзади, DVD-экраны, люк на крыше и крепление для перевозки лыж. Квартира, в которой она сегодня проснулась, представляла собой нечто совсем иное. Старые плакаты скотчем приклеены на стены. Проигрыватель пластинок в углу. Повсюду одежда. Она почувствовала сквозняк из окна, когда села в кровати, в комнате было так холодно, что пришлось плотнее завернуться в одеяло. Она потянулась к пачке сига-

рет на столе.

Октябрь в Осло. Зима уже в пути, и в обычное время она выкрутила бы ручку, регулирующую температуру во всей квартире, чтобы Марион было тепло, когда она сонная выходила из своей комнаты, и чтобы она не мерзла, садясь за стол завтракать, и снова в Мириам заговорила совесть. Нехороший ведь она человек, разве не так? Пошла на вечеринку. Согласилась выпить в «Интернационале». А потом согласилась пойти сюда, пить красное вино и часами говорить о вещах, о которых она давным-давно не говорила. О папе. О разводе. Как она на самом деле это пережила. О Юханнесе. Об этом смутном чувстве, не покидавшем ее последние годы. Что она выбрала его, чтобы убежать, чтобы поднять бунт, родила ребенка такой молодой от мужчины, который был полной противоположностью ее отца.

Мириам закурила, нащупала в сумочке под столом свой телефон и опять почувствовала укол совести, проверяя сообщения, но там ничего не было. От Юханнеса. Никаких: *Скучаю по тебе*. Никаких: *Где ты?* Только одно сообщение от матери: *Можно Марион останется у нас еще на одну ночь? Она очень хочет, чтобы мы проводили ее в школу завтра.*

Мириам набрала ответ: *Хорошо, мама, конечно, поцелуй ее от меня*. Отложив телефон, она осталась сидеть под одеялом и смотреть на плакаты вокруг себя.

Свобода животных – наша свобода.

Остановите «Лёкен Горд»⁶.

Плакат, изображающий кошку, запертую в клетке, изгодававшуюся, во дворе в Мюсен. Норвежцы, зарабатывающие деньги, покупая собак и кошек, держа их взаперти и затем перепродавая их для опытов за границу.

Так они познакомились.

То лицо и она.

Зигги.

Мириам по новой ощутила, как подкрадывается совесть, но не в силах была решиться. Встать, одеться, взять такси до Фрогнера, подготовиться встретить Юханнеса, когда он придет домой с дежурства в больнице, как хорошая жена, хорошая мать, какой ей следует быть, или просто укутаться в одеяло в этой маленькой, но очень живой квартире, так сильно напоминавшей ей о той жизни, которой она раньше жила.

Остановите «Лёкен Горд».

Вот где они встретились. В «Защите животных» на Муссвейен. Потому что она чувствовала, что должна была что-то сделать со своей жизнью. Не только быть мамой. Туве и Кари, отличные люди, думавшие только о том, как позаботиться об этих кошках, которые никому не нужны. Кормить их. Гладить. Чтобы они чувствовали себя важными. Что, пусть есть люди, использующие их как украшение интерьера, а потом выбрасывающие в канаву, но есть и другие, кому не все

⁶ Норвежская лаборатория, проводящая опыты над животными.

равно. Кто их любит. И этого для нее было достаточно. Взять паузу от будней. Позаботиться о ком-то.

И вдруг он оказался там.

Лицо.

Зигги.

У них было много добровольцев, постоянно приходили люди, кто-то всего раз, а кто-то чаще, но она сразу поняла и ни минуты не сомневалась, что *он*, *Зигги*, какой-то особенный.

Они стали совсем как маленькие девочки, Туве и Кари, в первый раз, когда он пришел, слегка покраснели щеки, как будто в гости пришла какая-то звезда. И поначалу Мириам не понимала, почему так, он ничем особенно не отличался от других добровольцев.

Совсем ничем.

Но теперь она поняла.

Черт возьми.

Мириам потянулась за новой сигаретой и зажгла ее, когда дверь в спальню открылась.

– Привет.

– Привет, – сказала Мириам.

– Ты спала?

Он слегка сощурился, осторожно перешел комнату, сел на стул перед ней и закутался в одеяло, которое принес с собой.

– Немножко.

– Хорошо, – улыбнулся он, наклонив голову, пристально

посмотрел на нее улыбающимися добрыми глазами и заговорил, перейдя прямо к делу.

– Как ты считаешь, что нам делать, Мириам? Со всем этим?

Ей вдруг стало нехорошо. Она сидела и смотрела на свою сигарету, ничего не говоря. Она думала, что это опьяняющее чувство, когда сидишь всю ночь вместе с кем-то, чувство, когда можно быть самой собой, пройдет.

Пройдет, когда она проснется. Просто испарится.

– Мне нужно выпить кофе. Хочешь чашечку?

С удовольствием.

– Нет, думаю, мне пора идти.

Я могла бы остаться здесь на весь день.

– Понимаю, – улыбнулось лицо. – Мне кажется, что не стоит отпускать тебя без завтрака, но решать, конечно же, тебе.

Ничего больше не говори, иначе я останусь.

– Нет, мне действительно пора.

– Конечно. Делай то, что считаешь нужным.

Одевшись и стоя за порогом квартиры, Мириам поняла, что все может осложниться.

Она влюбилась.

Серьезно.

Не в шутку.

Тяжелое чувство, сидевшее внутри нее, нечто абсолютно запрещенное и в то же время казавшееся таким правильным.

Может быть, если я больше не буду с ним видеться?..

Она поймала такси и всю дорогу до дома пыталась утвердиться в этой мысли.

Это должно пройти.

Она положила ключи на тумбочку в прихожей, разделась по пути в спальню, скользнула под одеяло и уснула, едва коснувшись головой подушки.

Холгер Мунк еще раз позвонил в дверь, несколько раз постучал и уже собирался уходить, когда дверь вдруг распахнулась, и в проеме показалась Миа.

– Сколько сейчас времени, что ты будишь людей?

Миа криво улыбнулась ипустила его в квартиру.

– Воскресенье, четыре часа дня? – сказал Мунк.

Он снял обувь, поискал крючок, чтобы повесить пальто, но не нашел, поэтому просто положил его на пол и проследовал за Мией в гостиную.

– Извини за бардак, – сказала она. – Я еще не успела тут разобраться. Хочешь чего-нибудь? Чашку чая? Полагаю, алкоголя ты по-прежнему не пьешь?

Мунк поискал подтекст в этой фразе, намек на то, что слишком давно он ее не навещал, но ничего такого в ее тоне не было.

– Я как раз собиралась идти в душ, подождешь, ладно?

– Подожду, конечно, – кивнул Мунк.

– Хорошо. Две минуты. Скоро вернусь.

Миа еще раз криво улыбнулась и исчезла в ванной, а Мунк остался стоять посреди гостиной, не зная, что ему делать. Не успела разобраться – это мягко сказано. Квартира напомнила ему ту, в которой он жил в Хёнефоссе. Так и не разобрал вещи, так и не смог сделать жилье домом, и тут было точно

так же. У окна лежал матрас с одеялом и подушкой. Видимо, она спала, когда он пришел. Повсюду штабелями стояли коробки, казалось, что некоторые из них наполовину открыли и закрыли снова. На стенах ничего, и почти нет мебели. Квартира очень похожа на его собственную, навскидку около семидесяти квадратов, гостиная, открытая арка в кухню, дверь на балкон и коридор, ведущий, вероятно, в ванную, и наверно, две спальни, которыми Миа явно не пользовалась.

Было похоже на то, что она делала несколько попыток. Везде стояли нераскрытые коробки из «ИКЕА», наполовину собранный белый стул, ножки по-прежнему лежали на полу рядом с инструкцией, а маленький столик ей, по крайней мере, удалось скрутить. Мунк тяжело опустился на недоделанный, слишком низкий стул, положил папку на столик, почувствовав, что ему не понравилось то, чему он только что стал свидетелем.

Она выглядела дико уставшей. Опять. Почти как тогда на Хитра. В тот раз его передернуло от увиденного, и сейчас было то же чувство. Обычно такая сильная Миа, полная энергии и с ясным взглядом, сейчас сократилась до своей призрачной версии. На полу рядом с матрасом стояла наполовину пустая бутылка «Арманьяка» и стакан, а в углу сложены три пустые коробки из-под пиццы. Мунка опять кольнула совесть. Давно надо было навестить Мию. Она плохо выглядит. В их последнюю встречу, в тот вечер в «Юстисене», она казалась немного радостнее, с какой-то верой в то, что

все наладится, но сейчас ее глаза были как тогда, на Хитра. Отсутствующие. Безжизненные.

Мунк встал, чтобы достать сигареты из своего пальто в коридоре.

– Курить можно тут или выходить на балкон?

Он прокричал вопрос в сторону ванной, но она на полную включила воду в душе и не слышала, так что Мунк выбрал балкон. Он стоял там на холоде, наблюдая, как последние лучи дневного света исчезали и стадион «Бишлетт» и остальная часть города погружалась во тьму.

Чертов психопат.

Мунк зажег сигарету и затянулся.

Не перед командой. Он никогда этого не делал. Здравомыслящий. Сдержанный. Спокойный. Конструктивный. Поэтому он и был начальником, никогда не позволяя другим видеть, как дела влияют на него, но он чувствовал, как это подкрадывается, то, что он увидел в Хуруме, приводило его в сильное беспокойство. У них было много дел. Всегда были дела. И Мунк всегда сочувствовал жертвам, семьям, жутким трагедиям, поражавшим людей, заставлявшим их терять кого-то, но в большинстве дел была какая-то рациональная связь. Случайная ссора с несчастливым исходом. Ревность. В большинстве дел, над которыми Мунк работал, была какая-то человечность. Конечно, неправильно говорить, что в убийстве присутствует человечность, но в своей профессии – он, конечно, никогда не говорил об этом вслух, но часто

думал об этом – Мунк всегда чувствовал какое-то облегчение, находя связь, которую мог понять.

Но не в этот раз.

Это был чертов психопат.

Мунк оставил пальто в коридоре, опять вышел на веранду и закурил снова. Увидев, как Миа прошмыгнула из ванной в полотенце и исчезла в одной из комнат, наверное, пошла к шкафу с одеждой или коробке, он почувствовал себя не очень хорошо из-за всего этого, всей ситуации. Она выбрала покинуть действительность. Спряталась одна на острове в устье фьорда. А он вытащил ее обратно. Они воспользовались ей для своих целей, а потом опять выбросили, оставив одну. Нет, последнее не совсем верно. Не они. Миккельсон отстранил ее. Отдел. Система. Но не он. Если бы Холгер Мунк мог решать. Миа Крюгер могла бы делать все, что ей заблагорассудится, только бы она была с ним на работе.

– Вообще ты можешь курить тут, только окно открой.

Улыбаясь, Миа вышла из одной из комнат, одетая в черные узкие брюки, белый свитер с горлом и с полотенцем на голове. Она сняла его и начала вытирать волосы.

– Да, черт, извини, – улыбнулся Мунк, не услышав, что она сказала, мыслями совсем в другом месте.

Он выбросил сигарету на улицу, зашел обратно и закрыл за собой дверь.

– Если бы я по-прежнему работала следователем, – ухмыльнулась Миа, сев на матрас у окна, – я бы сделала вывод,

что, если сам Холгер Мунк вдруг пожаловал сюда в воскресенье вечером с папкой фотографий под мышкой, это должно означать, что в большом мире случилось что-то чертовски ужасное, и отдел в отчаянии, и я, может быть, возвращаюсь на работу?

Мунк снова опустился на белый стул без ножек.

– Это мне кое-чего стоило, – кивнул он.

– И мне вроде как нужно поблагодарить тебя, ты это имеешь в виду?

Мунк опять искал подтекст в ее голосе, но и сейчас его не было. Она казалась посветлевшей, почти радостной. Мертвый взгляд, встретивший его в дверях, как будто снова немного ожил, и казалось, что она оценила его приход.

– Так что там у нас? – сказала она, положив полотенце на пол.

– Хочешь сразу посмотреть или послушаешь, что я думаю?

– А обязательно выбирать? – сказала Миа, взяв папку со стола.

Мунк заметил, как изменились ее глаза, когда она достала фотографии и начала раскладывать их на полу перед собой.

– Мы нашли ее вчера днем, – начал Мунк. – В дальней части Хурумланне. В нескольких сотнях метрах от дороги, в лесу. Турист, или даже нет, биолог, ботаник фотографировал там какое-то растение и набрел на нее, нашел ее в такой позе, посреди...

– Ритуал, – сказала Миа отсутствующим тоном.

Мунк затих, пока Миа не разложила последние фотографии.

– Похоже на то. Но...

– Что? – спросила Миа, на секунду оторвавшись от них.

– Хочешь, чтобы я помолчал или?.. – сказал Мунк, тут же почувствовав, что отвлекает ее.

– Да нет, извини, продолжай, – пробормотала Миа, открыв бутылку «Арманьяка» на полу и до краев наполнив грязный бокал.

– Это выглядит, как ты сказала, как ритуал, – продолжил Мунк. – Парик. Перья. Свечи. Положение рук.

– Пентаграмма, – сказала Миа, пригубив из бокала.

– Да, точно. Ильва тоже так сказала.

– Ильва?

– Кюрре перевели, – сказал Мунк. – И она как раз закончила академию, так что...

– Как я, что ли? – улыбнулась Миа, переведя взгляд обратно на фото.

– Нет, ты так и не закончила, разве нет? – сказал Мунк.

– Так какой будет договор?

– С Ильвой?

– Нет, со мной, – сказала Миа, выудив одну фотографию.

– В каком смысле?

– Миккельсон. Что он хочет на этот раз? Дай угадаю: я могу вернуться на работу, если пообещаю продолжить ходить

к психологу?

– Ага, – кивнул Мунк, приподнявшись на стуле.

– Да кури тут, где-то была пепельница, надо поискать в одном из тех шкафов, – указала Миа, все еще не отрываясь от фотографий.

– Камилла Грин, – снова усевшись и поднеся зажигалку к сигарете, сказал Мунк. – Семнадцать лет. Детдомовский ребенок. О пропаже заявили три месяца назад в каком-то учреждении для подростков с проблемами, в садоводстве.

– Цветок во рту, – кивнула Миа.

– Предварительный отчет по вскрытию показал, что в ее животе был корм для животных.

– Что? – переспросила Миа, подняв на него глаза.

– Гранулы.

– Твою мать, – сказала Миа, направив взгляд обратно на фото.

Она сделала еще глоток. Взгляд ее стал отсутствующим, каким он был много раз раньше. Она больше не здесь. Она была далеко, и Мунк почувствовал, что ему вообще не нужно находиться в комнате, что можно просто оставить Мию одну.

Когда у него зазвонил телефон и он вышел на балкон поговорить, Миа даже не заметила.

– Мунк, слушаю.

– Это Людвиг. Мы связались с ней.

– С кем?

– С Хелене Эриксен. Это она заявила о пропаже девочки. Она сейчас приедет сюда. Уже в пути.

– Еду, – быстро сказал Мунк и положил трубку.

Когда он вернулся в квартиру, Миа уже опустошила свой бокал и наполнила его заново.

– Ну как?

– Что «ну как»? – спросила Миа, посмотрев на него мутным взглядом.

– Что думаешь?

– Я приеду завтра. Сейчас мне нужно побыть одной с ними.

– Хорошо, – сказал Мунк. – Уверена, что справишься? Я хочу сказать, может, тебе еды принести или еще чего-то?

Миа махнула рукой, не отрываясь от фотографий.

– Тогда увидимся завтра.

Миа отстраненно кивнула.

Мунк зашнуровал ботинки, осторожно закрыл за собой дверь, сбежал вниз по лестнице, открыл машину и поехал на Марибуэсгате.

Сорокалетняя женщина в красном пуховике стояла под уличным фонарем у стадиона «Бишлетт». Она увидела, как из двора вышел полный мужчина в бежевом пальто. Он прикурил, по его виду казалось, что он о чем-то размышляет, затем сел в черный «Ауди» и уехал.

– Чего мы ждем?

Парень лет на двадцать ее моложе, стоявший рядом, нервно оглядываясь по сторонам, надвинул шапку на уши.

– Я замерз.

– Помолчи, – сказала женщина и засунула руку в карман, проверить, на месте ли он.

Браслет.

– Неужели это так сложно? – сказал двадцатилетний парень, дрожащими пальцами зажигая во рту самокрутку. – Ты же сказала, что она даст нам денег!

Женщина в красном пуховике пожалела, что взяла его с собой, этого молодого паренька, они друг друга даже не знали, ей нужно было сделать это самой, и уже давно.

Она плотнее запахнула куртку, продолжая стоять и смотреть на окна квартиры на третьем этаже, в них был слабый свет, значит она дома, это точно она, и все равно все это казалось неправильным.

– Мне нужно ширнуться.

– Помолчи, – повторила женщина в красной куртке, на этот раз сама ощутив это.

Нехватку иглы, которая заставит исчезнуть эту убогость, даст ей необходимое тепло.

– Дай посмотрю, – попросил парень, протягивая руку.

– Что дать?

– Браслет! Ты же сказала, она даст нам за него деньги?

Она снова бросила взгляд на окна квартиры и дала ему посмотреть то, что у нее в кармане.

– Этот? – удивился парень, поднеся браслет под свет фонаря. – Как это может чего-то стоить? Это же дешевый хлам, как носят дети? Черт возьми, лучше бы мы взяли киоск, «Seven-Eleven» или какой-нибудь еще, туда-обратно, всего делов на пять минут, что мы можем получить за эту хрень? Пошли отсюда, ты совсем тупая?

Женщина в красной куртке решительно забрала браслет и снова спрятала его в карман.

Посеребренный браслет, сердечко, якорь и буква «М».

– Нематериальная ценность, – тихо произнесла она, почувствовав, как ломка начинается вовсю, так, что было почти невозможно терпеть.

Нужно уколиться, чтобы заставить темноту убраться.

– Какая-какая ценность?

Парень нервно огляделся и затаился скруткой.

– Твою мать, давай лучше возьмем какой-нибудь «Seven». Или я спрошу у Леффе, может, у него есть заначка. За ним

должок, блин, я уверен, он нас подлечит. Черт возьми, да он живет тут рядом, пойдём, а? Боже мой, этот браслет стоит три копейки, какой смысл во всем этом, нет уж, я уношу ноги, пошло все к черту.

Женщина в красном пуховике подняла взгляд в тот момент, когда дверь открылась и черноволосая девушка вышла на балкон с бокалом в одной руке и каким-то предметом, который она разглядывала, в другой. Листочек. Фотография. Что-то подобное. Несколько секунд девушка постояла, как будто вглядываясь в темноту города, затем вошла внутрь и закрыла за собой дверь.

Миа Крюгер.

Женщина опять почувствовала, как ее захлестывает чувство вины, давно уже надо было это сделать.

Давным-давно.

Ведь она была там тем вечером.

– Пойдем уже, – сказал парень почти умоляющим тоном, выбросив окурок. – Пошли, наконец, черт тебя подери. Я больше не могу.

– Молчи. Дело не только в деньгах.

– Чего? – переспросил он.

– Дело не только в деньгах.

– Но какого хрена, ты же сказала, что...

– Мы были подругами, – раздраженно прервала его женщина, снова пожалев, что взяла с собой на дело этого сопляка.

Она должна была сделать это.

Она давным-давно должна была это сделать.

– Подругами? С кем? С этой, там наверху?

– Почему ты не можешь помолчать?

– Если вы подруги, просто походи и попроси у нее денег.

Боже мой, Сиссе, это какой-то полный идиотизм, зачем мы тут стоим, я же сказал, что Леффе даст нам дозу, пошли скорее!

– Нет, не с ней. С Сигрид.

– С какой еще Сигрид?

– С ее сестрой.

Парень достал из кармана тоненькую пачку табака и принялся скручивать новую сигарету из остатков в пачке, нервно оглядываясь вокруг.

– Черт, Сиссе, серьезно, я больше не могу терпеть, мне срочно нужна доза. Ты что ли не хочешь? Пойдем просто к Леффе?

– Я была там, – сказала женщина в красной куртке, все еще не отрывая взгляд от тени в квартире над ними.

– Была где?

– Я видела его.

– О чем ты говоришь?

– Когда он убил ее.

Он замолчал. Завис с тоненькой скруткой во рту и поднесенной к ней зажигалкой, не прикуривая.

– Черт, Сиссе, ты меня пугаешь. Убил ее?

Сигрид.

Женщина опять почувствовала, как через все ее тело прошла ломка.

Ей следовало давно это сделать.

Я была там.

Когда он ее убил.

– Пошло все к чертовой матери, Сиссе, я просто хочу ширнуться, ты ведь сказала, что мы идем сюда за бабками! Пойдем уже отсюда?

– Что?

– Я знаю, что Леффе даст нам дозу, блин, здесь недалеко, пойдем, Сиссе, это же просто бред.

Сорокалетняя женщина осторожно нащупала маленький посеребренный браслет в кармане, убедившись, что он на месте, между пальцев, когда свет в квартире вдруг погас и в окнах наступила темнота.

– Ну, пойдем же!

– Заткнись уже наконец.

– Нет, блин, Сиссе! Нам пора, ты со мной или как?

– Ты уверен, что Леффе нас уколет?

– Да, господи, он мне должен. На хрена мы вообще тут стоим? Пошли уже!

Женщина в красном пуховике еще раз потрогала браслет в кармане. Бросила последний взгляд на темные окна квартиры наверху.

И пошла за молодым, нервным парнем в сторону Пилест-

реде.

Габриэль Мёрк остановился у газетного киоска на углу Марибуэсгате и отчетливо вспомнил, как стоял здесь в первый раз, на этом же самом месте, шесть месяцев назад, очень нервничая перед началом работы в полиции. На тот момент у молодого хакера не было никакого опыта в полиции, да и вообще никакого опыта, если уж говорить начистоту. Его имя они получили в Центре правительственной связи Великобритании⁷, MI-6. Он решил невероятно сложный код, выложенный в интернет английской службой разведки: «Can you crack it?»⁸ Все это оказалось рекрутской программой, и ему сообщили, что его решение верно, но чтобы получить работу, нужно быть британским гражданином. Габриэль уже и забыл обо всем этом, пока однажды ему вдруг не позвонили. Холгер Мунк принял его на работу после короткого телефонного собеседования.

Шесть месяцев казались теперь целой вечностью. Вначале он очень нервничал, чувствовал себя не в своей тарел-

⁷ Спецслужба Великобритании, ответственная за ведение радиоэлектронной разведки.

⁸ Ты можешь взломать его? (англ.)

ке, но они хорошо его приняли, и сейчас он чувствовал себя важной частью команды. Полиция? Габриэль и предположить такого не мог, а теперь не представлял себе, как жил бы без нее.

Габриэль достал пропуск и открыл дверь в желтом здании. Девочка-подросток. Найдена голой в лесу в Хуруме. С цветом во рту. От мысли об увиденных фотографиях его передернуло. Такого дела у них не было с тех пор, как нашли тех девочек, повешенных на деревьях, – тогда его чуть не вырвало. Он даже было подумал, что совершил серьезную ошибку, согласившись на эту работу, но к счастью, они раскрыли дело.

При его участии.

Потом Мунк отвел его в сторону в офисе и поблагодарил, сказав: *мы бы не справились с этим без тебя, Габриэль*. И он почувствовал такую гордость, в первый раз в своей жизни он был частью чего-то важного.

Габриэль приложил пропуск к электронному замку у дверей лифта и уже собирался нажать кнопку третьего этажа, как вдруг услышал знакомый голос за спиной:

– Подожди меня!

Габриэль повернулся и подскочил, увидев, как Миа бежит к нему.

– Спасибо, – сказала она, когда двери лифта закрылись.

Миа Крюгер.

– Ты вернулась? – спросил Габриэль, почувствовав, что

немного покраснел, и понадеялся, что она этого не заметила.

– Да, похоже на то. Вообще, конечно, надо было послать их куда подальше, как считаешь?

– Может быть, – улыбнулся он.

– Удалось добыть телефонную распечатку?

– Что?

– С ее телефона? Камиллы Грин? Девочки в лесу?

– Нет, – ответил Габриэль. – Это займет некоторое время, но уже в работе. Ты же знаешь, бюрократия и все такое.

– Почему бы тебе просто не хакнуть их систему?

– Мунк любит все делать по инструкции, – чуть смутившись, улыбнулся он.

– Знаю-знаю, – рассмеялась Миа.

Она прошла вперед в коридор, провела карточкой по считывателю, придержала перед ним дверь и закрыла ее за собой, как раз когда показался Мунк.

– Одиннадцать, разве не так мы договаривались? Одиннадцать – это одиннадцать, а не пятнадцать минут двенадцатого.

Мунк покачал головой и исчез в кабинете.

– Ой, – улыбнулась Миа.

– Он в последнее время в очень плохом настроении, – сказал Габриэль немного извиняющимся тоном.

– Это заметно, – сказала Миа, не особенно переживая по этому поводу.

– Одиннадцать – значит одиннадцать, ребята, мы что, в

детском саду? Где мы сейчас? Где мы все находимся?! – громко закричал Мунк в их переговорной. Ворчливым, низким голосом, как будто кто-то разбудил медведя из зимней спячки. Он и правда сегодня в плохом настроении.

Миа Крюгер.

Габриэль был рад, что она вернулась.

– Ладно, – сказал Мунк, заняв свое привычное место перед экраном.

Габриэль Мёрк увидел вокруг улыбки, когда Миа вошла в переговорную.

– Лунный Свет, – засмеялся Людвиг Грёнли, обняв ее.

Аннете Голи также подала ей руку, а Ким Кульсё улыбнулся и поднял вверх большой палец со своего места.

– Ладно, – повторил Мунк. – Как видите, Миа вернулась, чему мы все чертовски рады. Если вам вдруг интересно, кого за это благодарить, то благодарите меня. И чтобы вы были в курсе, это был первый и последний раз, когда я заискивал перед Миккельсоном, но я считаю, на этот раз оно того стоило.

Мунк расщедрился на легкую улыбку, включая проектор.

– А где Карри? – вдруг спросил он, и Габриэль тоже заметил, что толстого полицейского не было на месте.

– Ким? Людвиг?

Мунк огляделся, но все лишь покачали головами.

– Не получал от него никаких новостей, – ответил Ким.

– Ну ладно, – сказал Мунк, нажимая на кнопку.

На экране появилась фотография. Убитая девочка, на фото живая, улыбающаяся в объектив камеры; похоже, это была общая фотография школы или класса.

– Вчера пришло подтверждение, что найденная в Хуруме девочка – это Камилла Грин. Семнадцать лет. Родилась в 1995-м. Приемный ребенок. Ее мать умерла, когда девочка была маленькая, а ее отец – француз...

– Лорен Клеменц, – вставил Людвиг Грёнли.

– Да, спасибо, Людвиг. Пока мы не смогли с ним связаться, – продолжил Мунк, – и, по словам Хелене Эриксен, Камилла Грин очень мало с ним общалась. Она ездила навещать его летом несколько раз, но постепенно ее прибрала к рукам организация по охране детства здесь, в Норвегии.

– Извините, а Хелене – это?.. – спросила Ильва, подняв руку.

Габриэль заметил, что Ильва украдкой поглядывает на Мию Крюгер, и вспомнил то чувство. У него тоже оно было в первый раз тогда, в этом кабинете. Какое-то благоговение – сидеть в одной комнате с Мией Крюгер, когда не хочешь сказать что-то не то или ошибиться.

– Конечно, Ильва. У меня была долгая ночь, прошу прощения, что не проинформировал всех о последних новостях.

Он покашлял и отпил глоток «Фарриса» из бутылки, стоявшей перед ним.

– Хелене Эриксен...

Мунк посмотрел на Грёнли.

– У нас ведь пока ничего на нее нет?

Людвиг Грёнли покачал головой.

– Ок, как бы то ни было, Камилла Грин была приемным

ребенком в нескольких разных семьях, но кажется, нигде она не чувствовала себя дома.

Мунк полистал свои записи.

– У меня отмечено четыре семьи, отовсюду она сбегала, пока в возрасте пятнадцати лет не пришла в «Садоводство Хурумланне».

Мунк поднял руку, словно предупреждая новые вопросы.

– Да-да, «Садоводство Хурумланне», точно-точно, на чем я остановился?

Вдруг Мунк слегка зевнул, было видно, что спал он сегодня немного. Может быть, этим и объяснялось его плохое настроение при встрече с Габриэлем и Мией в коридоре.

– Хелене Эриксен, – напомнила Ильва.

– Да, отлично, спасибо, – продолжил Мунк. – Мы связались с управляющей «Садоводства Хурумланне», Хелене Эриксен, она же сообщила о пропаже Камиллы Грин три месяца назад. Вчера мы с Людвигом отвели ее к судмедэкспертам, и она опознала Камиллу.

Тут Мунк на секунду остановился, снова бросив взгляд на Грёнли.

– Как все прошло?

Людвиг вздохнул, покачав головой.

– Не очень хорошо. Она была в шоке.

– Но ты проводил ее домой?

Людвиг кивнул.

– И там ее кто-то встретил и позаботился?

Людвиг опять кивнул.

– Некий Паулус. Ее ассистент, мне показалось, он там правая рука.

– Хорошо, – сказал Мунк, опять зарывшись в своих записях.

В комнате повисла тишина, и все молчали, пока Мунк снова не нажал на кнопку. На этот раз на экране появилась фотография с места преступления, которую они уже видели раньше: девочка, Камилла, лежала в вереске, голая, в той странной позе, с белым цветком во рту.

– Что за Паулус? – спросил Мунк, снова повернувшись к Грёнли.

– У нас пока нет его «портрета».

– Ладно, в любом случае, этот Паулус, судя по всему, был прежним жителем «Садоводства», и сейчас, как мы поняли, работает там, занимая достаточно высокое место, и именно он прислал нам сегодня утром список всех жителей, сотрудников, учителей и всех остальных, связанных с этим местом.

– Извините, – еще раз сказала Ильва, на этот раз показавшись почти глупенькой. – Но это «Садоводство Хурумланне»... Что это за место?

– Прошу прощения, – сказал Мунк, взявшись за голову и снова зевнув. – Людвиг, расскажешь?

– Ладно, – сказал Людвиг, – посмотрев на бумажки на своем столе. – «Садоводство Хурумланне» – это место для подростков с трудностями. Оно было основано Хелене Эриксен

в 1999-м, это частная собственность, но государство его поддерживает, также оно связано с другими организациями и инстанциями: с психолого-педагогической помощью, с отделением пищевых расстройств в больнице Уллевол, с больницей Дикемарк. Я сделал несколько звонков, и все отзывы о «Садоводстве» носят исключительно положительный характер. Похоже на то, что дети и подростки, которые не нашли себя в других местах, пришли ко двору там, в «Садоводстве Хурумланне». Некоторые живут там много лет.

Людвиг снова полистал записи.

– Да, как уже говорилось, у нас было не так много времени, но те, с кем я успел поговорить, очень хвалили и место, и не меньше саму Хелене Эриксен, мне показалось, что она как будто стала матерью для всех этих детей. Я продолжу в течение дня, но пока что я не нашел ничего, что показало бы ее в плохом свете, скорее наоборот.

– Хорошо, Людвиг, спасибо. И...

– Теперь моя очередь? – сказал Ким Кульсё, криво улыбувшись.

– Да, Ким, давай, – кивнул Мунк.

– С момента обнаружения жертвы на месте преступления работает наша команда, – начал Ким. – Стучат в двери, прочесывают всю местность, но что касается технических следов, пока что у нас мало что есть. Эти края – популярное место для прогулок, многие там ходят, так что о следах можно забыть, иначе нам придется проверить половину Бускеруда.

Мы также ничего не нашли в округе, на мой взгляд, это довольно странно, но мы продолжаем поиски. Мы затребовали сотрудников в Свельвике, Рёкене и Санде и будем работать, пока что-нибудь не найдем, потому что что-то полезное нам должно там быть. У нас большой ареал поиска, так что это может занять время, но мы в процессе и по-прежнему ищем. Кое-что техническое у нас есть, но вы, конечно, уже это видели. Перья, свечи, цветок во рту, очевидно, лилия. Ах да, и у нас есть показания свидетеля.

Он поискал в своем планшете.

– Некая Ольга Лунд, пенсионерка, живущая прямо рядом с дорогой, ведущей к той тропинке, где мы нашли жертву, говорит, что она видела белый фургон с приклеенной маркой на боку. Фургон проехал мимо, по ее словам, сразу после «Итогов дня» и вернулся обратно по той же дороге, снова, как сказала пенсионерка, прямо перед «Вечерними новостями».

Собравшиеся заулыбались. Легко представить себе, как пожилая женщина отмеряет время по постоянным программам на NRK.

– Приклеенная марка? – спросила Миа, первый раз за день открыв рот.

– Да, она так сказала, – улыбнулся Ким.

– Логотип?

– Видимо, его она имела в виду, да.

– Не помнит, что за логотип?

Ким снова полистал в планшете.

– У меня ничего об этом не сказано, я получил отчет от служащего, но думаю поехать поговорить с ней сам.

– Отлично, Ким, спасибо. Габриэль?

Габриэль Мёрк сидел в своих мыслях и вздрогнул, услышав свое имя.

– Да?

– Телефонные записи?

– Я заказал их, скоро будут, – кивнул Габриэль.

– Хорошо, – кивнул Мунк.

Габриэль посмотрел на Мию Крюгер, и она подмигнула ему.

– Ок, – подытожил Мунк, – Миа?

Поднявшись, Миа подошла к экрану. Мунк передал ей пульт от проектора и сел на стул возле стола. Миа заправила длинные темные волосы за уши, покашляла и нажала на кнопку, показав первую фотографию.

– У меня было не так много времени, чтобы во всем разобраться, я получила фото только вчера, – улыбнулась она, как бы извиняясь.

– Но есть несколько вещей, на мой взгляд, очень для нас важных. Перед нами стоит выбор, есть несколько направлений, от которых нам нужно отталкиваться.

В переговорной воцарилась полная тишина, когда Миа повернула лицо к экрану.

– Нет никаких сомнений, что все это было спланирова-

но, причем давно. Первое, что мне пришло в голову, – место преступления очень театрально, как какая-то игра, согласны?

Миа перещелкнула несколько фотографий, не дожидаясь ответа собравшихся.

– Парик. Перья. Свечи вокруг нее. То, что она голая. Как сложены ее руки. Цветок во рту. Ритуал. *Жертвоприношение*. Конечно, прежде всего, я подумала об этом, и вы, скорее всего, тоже. Как видите...

Миа подошла к экрану на шаг ближе и показала на разные участки фотографии.

– Как установлены свечи. Этот пятиугольник. Пентаграмма. Она сразу наводит на мысли, не правда ли? Это же известный символ. Врата... да, врата в темноту, к дьяволу, я не делаю никаких выводов, просто говорю то, что первым приходит в голову, но для меня нет сомнений, что мы имеем дело с человеком или группой людей, имеющих к этому отношение. Оккультизм. Сатанизм.

Миа оглядела комнату, как бы проверяя, есть ли у кого-то вопросы, но все продолжали сидеть молча.

– Понимаете, что я имею в виду?

Несколько кивков, но по-прежнему ни слова.

– Я имею в виду, что голая девочка лежит, абсолютно голая, на постели из перьев, в пентаграмме из свечей, и насколько я понимаю, никаких признаков сексуального насилия?

Миа посмотрела на Мунка, тот покачал головой.

– Видите? – сказала Миа, пролистнув новую серию фотографий.

– Девственница, – продолжила Миа, остановившись на фото девочки крупным планом, на которое Габриэль мог смотреть с трудом.

– Ведь все эти ритуалы обычно об этом, правда?

Все по-прежнему молчали.

– Я не имею в виду, что Камилла Грин была девственницей. Сейчас не так много семнадцатилетних девственниц, но то, что она не подвергалась сексуальному насилию, то, что ее положили в такой позе, в этих символах, – голая и *чистая*, если вы понимаете, о чем я, – мы совершенно точно должны исходить из этого.

Миа потянулась за бутылкой «Фарриса», сделала глоток и погрузилась в свои мысли.

– Миа? – покашлял Мунк осторожно.

– Что? – Миа посмотрела на него. – Да. Сорри.

Она снова нажала на кнопку, и на экране появилась новая картинка.

– В общем, – сказала Миа, – у меня было не так много времени, чтобы изучить эти фотографии, так что то, о чем я сейчас говорю, мы видим *снаружи*, понимаете? Я в них не погружалась, я просто пытаюсь рассказать то, что вижу отсюда, снаружи. Что нам показывают. Мы как зрители – понимаете, что я имею в виду?

Миа снова подняла голову и осторожно улыбнулась собравшимся. Несколько человек в разных частях комнаты кивнули, хотя Габриэль Мёрк знал, что остальные, так же точно, как и он сам, чувствовали себя благоговейными студентами на какой-нибудь лекции.

– Хорошо, – кивнула Миа. – Значит, снаружи. Сейчас смотрим снаружи.

Она еще раз кивнула. На этот раз показалось несколько фотографий в ряд, новая серия, те же фото, что они видели раньше.

– Значит, кто-то ее положил. Голую. Расположил ее. Выставил напоказ. Семнадцатилетнюю девочку. Камиллу Грин. И тогда следующей мыслью было...

Она снова замерла на мгновение, но Мунку не пришлось ее будить.

– Это чтобы мы ее нашли? Она должна быть выставлена напоказ? Это важный вопрос.

Миа бросила взгляд на Мунка, который сейчас был похож на студента так же, как и все остальные, но тем не менее он кивнул.

– Совершенно верно, – покашлял он.

– Значит, что мы имеем, скажем так, с технической точки зрения, – продолжила Миа.

Она еще несколько раз щелкнула кнопкой, на этот раз пока не нашла фотографию не с места преступления, а ту, что была похожа на школьную.

– Камилла Грин была совершенно нормальной здоровой девочкой. Очевидно, с проблемами, приемный ребенок, жила в каком-то приюте, в этом, как его?..

– «Садоводство Хурумланне», – вставил Мунк.

– Точно, но именно технически это никак не связано с делом. Значит, ее прошлое. Посмотрите сюда...

Еще фото.

– Когда Камилла исчезла, у нее был нормальный вес. Но когда ее нашли, она выглядела так.

Габриэль был не в состоянии смотреть на это.

– Худая. Истощенная. С синяками и царапинами на коленках.

Миа щелкала дальше.

– На локтях...

И дальше.

– ...на ладонях. И снова, технически. Она исчезла три месяца назад. Тогда – здоровый подросток. И теперь она снова объявляется, вот такая. О чем это нам говорит? Чисто технически?

Миа оглядела собравшихся.

– Ее держали взаперти, – сказал Ким Кульсё.

– Я тоже так думаю, – согласилась Миа, отпив из бутылки.

Габриэль опустил глаза, не в силах смотреть на фотографию перед собой. Держали в плену? Он заметил, что не он один в комнате не мог пропустить это через себя.

– Есть вопросы? – продолжила Миа.

Некоторое время все молчали.

– Я хотела спросить об этом... кроме для животных? – осторожно спросила Ильва.

Габриэль взглянул на новую девочку. Побелевшая, она как будто не осознавала, чему только что стала свидетелем. Он хорошо ее понимал. Он чувствовал то же самое, впервые оказавшись в переговорной и увидев настоящие фотографии, о которых раньше только читал в газетах.

– Точно, – сказала Миа, снова на мгновение унесшись мыслями куда-то далеко.

– И?.. – напомнила о себе Ильва.

– Животное, – сказала Миа.

– Что вы имеете в виду?

– А что, вы не согласны?

Она обвела взглядом комнату.

– Животное?

– Да, ты так не думаешь, Ким?

– Я не знаю, что думать, Миа, – негромко продолжил Ким. – Что ты подразумеваешь под животным?

– С ней обращались, как с животным, – сказала Миа, снова отпив глоток воды из бутылки.

– Но почему?.. – снова подала голос новенькая, Ильва, все такая же бледная.

– Нет, этого я не знаю. – Миа пожала плечами. – Как уже было сказано, я получила эти фотографии вчера. Это всего лишь мои черновые мысли.

Миа вопросительно посмотрела на Мунка, тот кивнул, словно в знак того, что она может сесть.

— Ладно, хорошо, — улыбнулся он, когда Миа вернулась на свое место.

Тишина воцарилась надолго.

Другие знали Мию давно и знали, на что она способна, но новенькая Ильва все еще выглядела так, будто не понимала, что только что произошло.

Мунк встал и снова подошел к экрану.

— Ну что ж. — Полный начальник почесал бороду с таким видом, как будто ему есть над чем подумать. — Тогда, мне кажется, нам нужно перекурить, правда? — сказал он, хлопнув в ладоши. — Две быстрые затяжки, и мы продолжим, это очень захватывающе.

Никто ничего не сказал на это, но Габриэль заметил, что Ким Кульсё слегка улыбнулся.

Во всей команде курил один Мунк, так что эти перерывы всегда были только для него.

Мунк надел пальто и исчез на курительной веранде, остальные остались в переговорной.

— Захватывающе? — спросил Ким Кульсё, удивленно. — Что это с ним сегодня?

Миа пожала плечами.

— Это... — начал Людвиг, но закрыл рот так же быстро, как открыл.

— Что, Людвиг? — спросил Ким, вопросительно взглянув

на Грёнли, тот как будто не хотел отвечать.

– Лучше бы он сам это сказал, – пробубнил Людвиг осторожно. – Если он вообще собирался нам это рассказывать, я точно не знаю.

– О чем? – с любопытством спросила Миа.

Людвиг опять помедлил с ответом, порылся в бумагах на столе, вытащил листок и протянул его.

– Мы получили списки час назад.

– Какие списки?

– Сотрудников. В «Садоводстве Хурумланне».

– О, черт, – сказала Миа.

– Что там такое? – спросил Ким Кульсё.

– Рольф Люке, – пробормотала Миа.

– Кто на фиг такой этот Рольф Люке? – спросил Ким, забрав у нее листок.

– Сожитель Марианне.

– Какой Марианне?

– Марианне Мунк, – осторожно сказал Людвиг.

– Его бывшей жены? – удивился Ким.

– Ага, – кивнул Людвиг Грёнли. – Друг Марианне Мунк. Рольф Люке. Он работает там учителем.

– Вот черт, – сказал Ким.

– Это точно, – пробормотал Грёнли и засунул листок в стопку, как только Мунк вернулся с веранды и снял пальто.

Изабелла Юнг стояла перед зеркалом в своей комнате, ужасно нервничая. Она не испытывала такого раньше. По сути, никогда. Так странно. Когда психолог предложил ей это место несколько месяцев назад, она, как обычно, подумала, *whatever*⁹, как бы, *мне все равно*, но теперь все изменилось.

Она всю свою жизнь скиталась по таким заведениям. И там, в Хаммерфесте тоже. Она называла это «там», потому что сама была не оттуда, разве они этого не понимали? Ей хотелось быть во Фредрикстаде с папой, но папа был недостаточно хорош, и быть с ним было нельзя. По мнению организации по охране детства. Что такого в том, что он немного выпивал и не всегда был дома? Разве она не может сама собрать рюкзак в школу и найти дорогу к автобусу? Сама приготовить себе еду? Но нет, надо было отправить ее к маме.

Мама.

Изабелла Юнг вздрогнула при мысли о ней и на секунду подумала, а не покраситься ли сегодня немного по-другому, может быть, надеть одежду попрятнее, не куртку с капюшоном и дырявые штаны, хотя в душе она знала, что такие вещи совсем не беспокоят Хелене.

Мама.

Она выругалась про себя. Этот жуткий человек – никакая

⁹ Будь как будет (*англ.*).

не мама. Почему они этого не понимали? Что папа намного лучше? Мама должна беспокоиться о своих детях. Говорить приятные вещи. Хвалить. А не жаловаться все время. Кричать по любому поводу. Говорить, что Изабелла уродливая. Что она ничего не может. Что из нее никогда ничего не получится. Что она ни для чего не годится, как бы она ни старалась в школе, как бы хорошо ни отзывались о ней учителя, как бы усердно она ни убирала свою комнату. Ор, всегда ор, никогда не обнимет, слова хорошего не скажет, никогда. Так Изабелла и увязла в заведении, сначала в одном, потом в другом, потом сбежала оттуда, когда ей было тринадцать. Шла пешком всю дорогу. Сто сорок миль. Добралась до дома в Фредрикстаде без проблем. Что тут такого сложного? Она и сама может со всем справиться, только бы не жить с мамой. Чем ей плохо от того, что папа сел за руль пьяным и должен сидеть дома? Под домашним арестом? Она и сама все может! Но нет. Нельзя. Они опять забрали ее, и на этот раз она попала в отделение пищевых расстройств больницы в Осло, потому что ничего не ела и была худой как щепка.

И после этого Изабелла решила наплевать на все.

Whatever.

Мне все равно.

Но до нее дошли слухи. От девочек в отделении. Что там хорошо. В «Садоводстве Хурумланне». Что там не так, как во всех других местах. Так что когда психолог предложил ей это, она неохотно согласилась, и вот теперь стоит перед зер-

калом, удивленная, как сильно она хотела, чтобы эта встреча прошла хорошо и ей можно было бы остаться.

В первый день она не была так оптимистична. Подумала, что тут все будет как обычно, как во всех остальных местах. Потому что тут тоже были правила. Территория состояла из главного корпуса с офисами и классными комнатами. Им нужно было ходить в школу, обязательно, и хотя расписание не показалось сложным, за последние годы у Изабеллы уже было достаточно учителей. Еще тут был большой интернат, где жили девочки, маленький – для мальчиков, три больших сарая для инструментов, несколько маленьких зданий там-сям и гараж для машин. В первый день Хелене устроила Изабелле экскурсию и дала карту границ, куда можно было ходить, а куда нельзя. *Ну конечно, подумала девочка, чтобы кто-то решал, куда мне идти.* И еще были практические правила. Общий подъем в семь, завтрак в восемь, потом или работа в теплицах, или школа, до ланча, все зависело от дня недели, потом снова работа до ужина в шесть часов, затем все были свободны до одиннадцати, в одиннадцать все ложились спать, свет выключали. Никому нельзя покидать территорию, если не было поручений, например, доставить цветы заказчикам. Весь день не было доступа к телевизору и интернету, только с восьми до десяти вечера. Телефоны также под запретом. Их отдавали только после ужина, а перед отбоем их нужно было снова сдать. После первого дня такого режима Изабелла, как уже говорилось, подумала, *здесь я надолго*

не задержусь, но все вышло совсем по-другому.

Прошло всего несколько дней, и она обрела какой-то покой. Дело было в общем настрое здесь. Никто не пилил. Никто не ныл. У всех, кто тут был, все было просто-напросто хорошо. Изабелла быстро поняла, что это заслуга Хелене. Хелене была непохожей на всех высокомерных взрослых, *ты больна, с тобой что-то не так, слушай меня.* Хелене совсем не такая. Она почти всегда была ласкова, не деланно-натянута, а по-настоящему. Если она учила их или показывала что-то, то всегда посвящала этому достаточно времени, всегда понимающая и терпеливая, давала им пробовать несколько раз, а если им хотелось сделать по-другому, она разрешала. Всего через несколько недель Изабелла лежала в своей кровати и думала.

Здесь я хочу остаться.

В первый раз в жизни она почувствовала себя – да, практически счастливой. Во многих заведениях, где она жила, никому дела не было до того, чем она занимается, пока не нарушит правила. Вставала поздно по утрам. Допоздна сидела по ночам. Часами в интернете. Сериалы, фильмы, клипы с «ютьюба», «фейсбук», болтовня, в какой-то период она так много времени сидела за компьютером, что в глазах начало мерцать, а в мозгу мутило. И уж никак она не могла представить, что ей понравится вставать в такую рань, в семь утра, господи, чтобы работать весь день? Но она полюбила это.

Изабелла ощутила это, когда в первый раз пришла в са-

мую большую оранжерею. Там были орхидеи. Чувство, как будто приходишь домой. Паулус отвечал за орхидеи. Паулус такой милашка. Голубые глаза, длинные каштановые кудри, и такой же, как Хелене, очень добрый и всегда помогает. Поначалу было трудно выучить, как нужно все делать, но постепенно все пришло к тому, что она с радостью вставала по утрам. Иногда даже просыпалась раньше семи, без будильника, не могла дожидаться, когда пойдет в оранжерею.

Изабелла все-таки решила не наряжаться, надела обычные штаны и куртку с капюшоном, последний раз взглянула в зеркало и вышла из своей комнаты. Она уже давно определилась после того случая в школе Хаммерфеста, когда кто-то в классе дразнил ее за что-то, она даже уже не помнила, за что. *Я такая, какая есть, если людям это не нравится, так тому и быть.* С тех пор она старалась жить по этому правилу, хотя это и не всегда было просто.

Не успев закрыть за собой дверь, она увидела цветок, лежащий на полу на пороге. Белая лилия? Почему перед ее дверью лежит белая лилия? Она подняла ее с пола, секунду рассматривала, и вдруг заметила записку на двери.

Ты мне нравишься.

Изабелла Юнг быстро оглянулась по сторонам в коридоре, почувствовав, как жар приливает к щекам.

Кто-то положил ей под дверь цветок. Прикрепил записку на дверь. Стоял здесь, не смея постучаться, просто оставив цветок на полу, записку на двери и убежал.

Ты мне нравишься.

На записке был какой-то рисунок. Своеобразная подпись. Тот, кто оставил цветок, такой скромный, что не посмел даже написать свое имя, вместо этого нарисовав что-то. Сначала она не могла разобрать, что это, но потом рассмотрела. Какая-то птица, рисунок точно похож на птицу с большими глазами, может быть, на сову? Изабелла понюхала цветок, оглядевшись вокруг, и почувствовала, как быстро забилося сердце.

Я ему нравлюсь?

Тайный поклонник.

Изабелла Юнг зашла обратно к себе в комнату, аккуратно положила цветок и записку под подушку, вышла, закрыла за собой дверь и легкой походкой спустилась по лестнице.

Дойдя до угла корпуса, она поняла: что-то случилось.

Сесилие, одна из девочек, которые больше всего ей нравились, стояла там, со слезами в глазах, обнимая Сюнне, еще одну любимицу Изабеллы.

– Что такое?

– Ты не слышала? – всхлипнула Сесилие, почти не в силах говорить.

– Нет, что такое? Говори же?

– Они нашли Камиллу.

– Камиллу Грин?

Сесилие кивнула.

– Она мертва. Кто-то ее убил. Они нашли ее в лесу.

– Боже мой, – запинаясь, пробормотала Изабелла.

– Хелене собирает всех в классной комнате, – сквозь слезы сказала Сесилие.

– Боже мой. Но?.. Как?..

Их прервал Паулус, позвавший их с другого конца двора.

– Хелене ждет вас, девочки. Вы идете?

Парень с темными кудрями казался ужасно расстроенным. У него почти пропал голос.

Изабелла Юнг крепко обняла Сесилие и осторожно погладила ее по голове, и три девочки, поддерживая друг друга, медленно пошли к главному корпусу.

Пробило шесть часов, и тьма окутала столицу тяжелой пеленой, когда Мунк и Миа сели в черный «Ауди» и отправились в «Садоводство Хурумланне». Если бы решала Миа, они бы выехали намного раньше, сразу после брифинга, ведь именно отсюда нужно начинать, с этой Хелене Эриксен, получить представление о жизни Камиллы Грин, но Мунк сказал «нет», не раньше шести.

Сначала Хелене Эриксен должна была всех проинформировать, поэтому им пришлось ждать. Передать всем, кто знал Камиллу Грин, трагическую новость прежде, чем к ним ворвется полиция. По этой же причине они поехали вдвоем, *чтобы не приезжала вся грохочущая орда разом*, как выразился Мунк. С этим Миа согласилась. Группа подростков с трудным прошлым, неудивительно, что у них сложное отношение к полиции и к властям вообще. Целая полицейская группа с воющими сиренами могла бы принести больше вреда, чем пользы, в сборе необходимой информации, но если бы это зависело от Мии, они бы выехали раньше. Потому что она чувствовала, что что-то упустила. Есть что-то, чего она не увидела. На фотографиях. Миа не могла указать на что-то конкретное, но знала одно: у них много дел. Что нельзя терять ни минуты.

Слишком нетерпеливая.

Наверное, такой она и была. Мунк намного тверже, спокойнее. И хотя сегодня он вел себя странно, после того, как Людвиг Грёнли показал Мии список, она знала, в чем причина такого поведения.

Она достала пастилку из кармана куртки и опустила стекло в машине, когда Мунк закурил новую сигарету и свернул на E18. Стемнело уже в пять часов, тяжелая затмевающая все чернота, Мии это не нравилось. Это время года. Никогда не нравилось. Холод. Постоянный черный полог вокруг, как будто мир недостаточно бесчеловечен, и они вынуждены ко всему прочему месяцами жить без света. Тепло из сна о Сигрид в поле постепенно просачивалось в нее, но она отмахнулась от него, вздрогнув от мысли, что меньше чем двадцать четыре часа назад она открыла первый пузырек и проглотила все таблетки.

Он опять спас ее. По воле случая. Если бы Мунк не постучал в дверь в этот момент, ее бы здесь уже не было. Она засунула два пальца в рот и вытошнила все таблетки. Мие стало стыдно. Ведь она пообещала себе попытаться – и так быстро сдалась.

Миа наклонилась вперед и, нажав на кнопку на приборной панели, включила печку на полную. Секунду поколебавшись, она решила, что другого пути нет и нет никакого смысла притворяться, будто она ничего не знает.

– Так когда ты собирался рассказать мне об этом? – спросила она.

– О чем? – отреагировал Мунк.

– Хватит, Холгер, я видела список, мы все его видели, я не понимаю, как, по-твоему, это будет происходить?

– О чем ты? – повторил Мунк, хотя Миа знала, что он прекрасно понял, о чем она говорит.

– Рольф. Рольф работает там учителем.

Мунк подумал, не закурить ли еще сигарету, но не стал, продолжая смотреть на дорогу.

– Ты ведь знаешь, что это значит? Ты не можешь работать над этим делом. Если Миккельсон узнает, он тебя отстранит, я не понимаю, Холгер, о чем ты вообще думал? Ты же непригоден, черт возьми, и ничего не говоришь всей команде, и...

– Ладно, ладно.

Он прервал ее раздраженным жестом, не отрывая глаз от дороги:

– Они собираются пожениться, – сказал он, не глядя на Мию.

– Кто?

– Марианне с Рольфом.

Миа помотала головой.

– Какое, к черту, это имеет отношение к делу?

Мунк снова помолчал.

– Ох, да брось, Холгер, ты выше этого, – вздохнула Миа.

– Чего – этого?

– Я должна сказать это вслух?

– Должна сказать что?

Мунк казался раздраженным или даже скорее подавленным. Перестроившись в левый ряд и обогнав трейлер, он вернулся в правый, потянулся за сигаретой и на этот раз прикурил ее.

– Холгер, – вздохнула Миа. – Не нужно быть психологом, чтобы понять, о чем ты думаешь, но это же просто глупо, разве нет?

– Что? – сказал Мунк, хотя и на этот раз прекрасно знал, о чем речь.

– Что если каким-то чудесным образом Рольф Люке окажется замешанным в этом деле, Марианне естественно уйдет от него и тогда откроется путь назад. Да брось ты, Холгер. Голливудский фильм с плохим сценарием и хеппи-эндом? Это на тебя не похоже.

Она слегка улыбнулась ему и обрадовалась, когда он через некоторое время ответил ей улыбкой.

– Иногда ты так меня бесишь, ты знаешь об этом?

– Да-да, знаю. Но кто-то из нас должен был это сказать.

Мунк покачал головой, как бы признавая свое детское поведение.

– Он пришел с большим букетом цветов, – вздохнул он.

– Мне очень жаль, – сказала Миа. – Но, черт побери, десять лет. Десять лет прошло!

– Я знаю, Миа.

– Так что будем делать?

– С чем?

– С тем, что он там работает? С тем, что ты непригоден к этому делу и вообще-то не можешь над ним работать?

Мунк прибавил газу и обогнал еще один трейлер, затем вздохнул и ответил:

– Мы вычеркнем его как можно скорее.

– Это должно сработать, – кивнула Миа. – И так понятно, что он не имеет к этому всему отношения.

– Конечно же, не имеет.

– Но нам нужно подтвердить это и вычеркнуть его из списков.

– Именно так, – сказал Мунк.

– Думаю, должно получиться.

– Ясное дело, что должно.

– Проблема решена, – кивнула Миа.

– Это и не было никакой проблемой.

– Конечно, не было, – улыбнулась Миа.

– Где носит Карри? – сказал Мунк, когда они проехали Аскер и свернули на областную дорогу 167.

Очевидно было, что он хочет сменить тему разговора, и Миа с радостью поддалась ему. Она получила подтверждение и ответ, на который рассчитывала. С ним было что-то не так, по-настоящему. Она знала, что Мунк по-прежнему доложит Марианне, но что он воспримет это так тяжело, после десяти лет, удивило ее, и не стала продолжать тему.

– Понятия не имею, – ответила она. – Он не берет трубку.

– Но, черт возьми, надо же появляться на работе. Он пре-

красно знает, что пришло к нам в руки, – проворчал Мунк за рулем.

– Знаю, но достучаться до него не могу. Оставила сообщение Сунниве, она тоже не взяла трубку.

– Я не могу позволить себе потерять еще одного, – расстроенно пробормотал Мунк.

– О чем ты говоришь?

– Ты еще не слышала?

– Что не слышала?

Мунк посмотрел на нее:

– Ким.

– Что с ним?

– Возможно, он нас покинет.

– Что? – удивилась Миа. – Почему?

– Он попросил о переводе в Хёнефосс.

– Ким? В область? – засмеялась Миа. – Какого хрена ему там надо?

– Судя по всему, он собрался жениться. Он тоже, – пробубнил Мунк. – Кажется, это произойдет уже скоро.

– Жениться? На ком?

– Помнишь учительницу? Ту, с двумя братьями?

– Конечно, – отозвалась Миа. – Это они нашли девочку на дереве? Тобиас и Торбен?

Мунк кивнул.

– Эмилие Исаксен. Они сошлись с Кимом и собираются усыновить мальчиков.

– Как здорово, – улыбнулась Миа.

Мунк коротко посмеялся.

– Да-да, для них, конечно, здорово, но не для нас, как ты думаешь? Не знаю, что я буду делать без Кима, а тут еще этот чертов Карри не может прийти на работу.

– Ты найдешь хорошую замену, у тебя это отлично получается.

– Но я не дам ему уехать, пока мы не закончим с этим делом, это я ему ясно дал понять, – проворчал Мунк.

– Так что думаешь? – сказала Миа, когда фары машины осветили вывеску.

Садоводство Хурумланне, 500 метров.

– Об этом деле?

– Да.

– Между нами?

– Да?

– У меня чертовски нехорошее чувство. Что-то в нем есть, я уже это чувствую, понимаешь, о чем я?

– Мрак, – тихо сказала Миа.

Мунк медленно кивнул, свернул с главной дороги и проехал по аллее на свет, исходивший из одной из теплиц в глубине.

В маленьком кабинете Хелене Эриксен повисла глубокая печаль. Миа мысленно поблагодарила Холгера за то, что он дал светловолосой женщине и другим жителям время переварить шок. Сейчас она жалела, что они вообще приехали, потому что статная женщина, сидевшая перед ними, выглядела совсем разбитой, не в состоянии взять себя в руки.

– Прежде всего, я хочу поблагодарить вас за то, что смогли принять нас так скоро, – сказал Холгер, расстегнув куртку. – И, конечно, за то, что помогли нам вчера вечером, я понимаю, каким шоком оказалась для вас эта новость, и прошу прощения, что вынужден мучить вас вопросами, которые могут показаться незначительными, в свете случившийся трагедии. Для нас, само собой, важно начать расследование как можно скорее, я знаю, что это не вернет Камиллу к жизни и не искупит то горе, которое вы сейчас чувствуете, но тот, кто совершил это, должен быть наказан за свое преступление, это наша работа, поэтому...

– Конечно, – оборвала его Хелене Эриксен, слабо кивнув. Миа отчетливо видела, что эта женщина здесь шеф. Она обладала харизмой, таким дружественным авторитетом.

– Хорошо, – кивнул Мунк. – Мы уже получили списки всех сотрудников и пользователей, от вашего ассистента...

– Паулуса, – кивнула Хелене Эриксен.

– Да, Паулуса, спасибо, – улыбнулся Мунк. – И, кроме того, нам нужен более детальный обзор пациентов...

– Жителей, – покашляла Хелене.

– Да, конечно, прошу прощения, – кивнул он. – Более детальный обзор, да, жителей, сейчас мы располагаем только именами, но нам нужен доступ к журналам, истории, чтобы получить лучшее представление о том, кто они, через что прошли, почему оказались здесь – понимаете, о чем я?

Казалось, Хелене Эриксен задумалась на мгновение, но наконец кивнула.

Гордая наседка, заботится о своих птенцах.

Миа Крюгер почувствовала, что еще больше зауважала женщину, с которой только что познакомилась, и поняла: то, что Людвиг Грёнли говорил об этом месте, было правдой.

– Отлично, – улыбнулся Мунк, полистав свой блокнот. – Итак, начну с этого, чтобы сразу все прояснить. Вы заявили о пропаже Камиллы Грин девятнадцатого июля, но через несколько дней снова связались с нами и забрали ваше заявление, почему вы это сделали?

– Я чувствую себя по-идиотски, конечно. Но Камилла всегда такая... я имею в виду, всегда *была* такой.

Секунду Хелене Эриксен помолчала, и Миа видела, что та едва сдерживает слезы, ведь приходится говорить о Камилле в прошедшем времени.

– Какой – такой? – пришел ей на выручку Мунк.

– Нестабильной.

– Что значит «нестабильной»? – дружелюбно спросил Мунк, чтобы помочь ей.

– Нет, не нестабильной, извините, это неверное слово, – особенной. Камилла была особенной, – продолжила Хелене. – Не слишком любила правила и авторитеты. Часто сбегала. Но всегда возвращалась, если хотела, все должно было быть на ее условиях, вот такой она была, если вы понимаете.

– Понимаю, – кивнул Мунк. – Так возвращаясь к теме, вы заявили о ее пропаже, а потом?..

– У нас тут достаточно строгие правила, – покашляла Хелене Эриксен. – Кому-то это нравится, кому-то нет, но так есть, так здесь заведено. Чтобы получить что-то, нужно что-то отдать, правильно?

Хелене слегка улыбнулась им.

– И значит... она...? – напомнил Мунк.

– Камилла не пришла на вечернюю работу в пять часов вечером восемнадцатого июля, ее не было в комнате на следующее утро, и тогда я заявила об исчезновении.

– А в чем причина того, что вы отозвали заявление?

– Мне пришло сообщение от нее через несколько дней.

– Что в нем было?

Хелене Эриксен вздохнула, покачав головой.

– Что нам не нужно ее искать. Что у нее все хорошо. Что она уехала во Францию встретиться со своим отцом.

– И вы в это поверили?

Миа хотела было что-то сказать, но осеклась, побоявшись

показаться слишком резкой.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего в сообщении вас не насторожило?

Хелене бросила взгляд на Мунка, немного помешкав с ответом.

– Нет, я...

– Никто вас ни в чем не обвиняет, конечно же, – сказал Мунк.

– Мне следовало бы понять это, – сказала Эриксен, переводя взгляд на свой стол. – Но она была такой...

– Нестабильной?

– Нет, нет, я выбрала неподходящее слово... Своенравной, – сказала светловолосая женщина, подняв на них взгляд. – Своенравная лучше подходит. Камилла не любила, когда ей говорили, что делать.

– Так это сообщение показалось закономерным? – спросила Миа.

– Да.

– Есть какие-нибудь идеи? – продолжила Миа.

– Насчет чего?

– О том, кто это сделал?

– Нет, совсем никаких, – запинаясь, проговорила Хелене Эриксен, переводя взгляд на Мунка.

– Ни у кого из жителей или сотрудников, нет особого прошлого? Может быть, у кого-то была такая тяжелая жизнь, такая трудная, такая особенная, что он смог испытать радость,

положив Камиллу на постель из перьев и засунув ей в рот цветок?

– Нет... я имею в виду, как я могу?..

У Хелене был испуганный взгляд.

– Ничего не приходит в голову? – продолжила Миа, опять не обращая внимания на взгляд Мунка. – Когда вы ее увидели. Это должен быть, да, *он* или *она*...

На мгновение Хелене Эриксен замолчала, затем быстро взглянула на Мунка и снова уставилась на свой стол.

– Нет, – тихо ответила она, подняв голову и снова посмотрев на них. – Нет, конечно же, нет.

Мунк строго посмотрел на Мию, хотел было что-то сказать, но его прервал стук в дверь. Кудрявый парень просунул голову в проем.

– Хелене, нам нужно...

Парень остановился, увидев, что она в кабинете не одна.

– О, извините, я...

– Нет, все нормально, Паулус, – улыбнулась Хелене Эриксен. – Что такое?

– Некоторые девочки, они... Да, я не знал, что... – начал молодой парень, бросив взгляд на Мию и Холгера.

– Это может подождать? – улыбнулась Хелене.

– Да, конечно, но... – запинаясь, проговорил парень.

– Мы можем подождать, – кивнул Мунк. – Без проблем.

Молодой парень в дверном проеме взглянул на Хелене, потом перевел взволнованный взгляд на Мию и Мунка, и

снова на начальницу.

– Было бы хорошо, если... это удобно?

– Вы уверены, что это удобно? – спросила Хелене, посмотрев на них обоих.

– Конечно, – кивнул Мунк. – У нас полно времени.

– Хорошо, спасибо, – улыбнулась она, вставая со стула. – Я мигом вернусь.

Раздался звук захлопнувшейся за ней двери, и внезапно они остались одни в маленьком кабинете.

Мунк посмотрел на Мию, покачав головой.

– Что? – спросила она, пожимая плечами.

– Иногда... – вздохнул Мунк, не закончив фразу.

– Она что-то знает.

– Черт тебя побери, Миа, – сказал Мунк, приложив руку ко лбу.

– Что? – сказала Миа, разводя руками.

– Ты не можешь?.. Я хочу сказать...

– Что?

– Разве нельзя?..

Мунк снова покачал головой, продолжая сидеть и смотреть на стену за столом, который только что покинула Хелене Эриксен.

– Она что-то знает, – повторила Миа, когда дверь открылась и статная женщина вернулась в комнату.

– Прошу прощения. На чем мы остановились? – улыбнулась Хелене, сев на свой стул.

– Журналы пациентов? – напомнил Мунк, немного смущенно, сверяясь с блокнотом.

– Жителей, – снова поправила Хелене.

– Да, конечно, извините. Когда мы сможем получить к ним доступ, как вы думаете?

– Я должна только поговорить с нашим адвокатом. Да, чтобы удостовериться, что мы поступаем правильно и не даем информацию, которую распространять не должны, понимаете?

Она улыбнулась им, просветлев в глазах.

– Хорошо, – кивнул Мунк, бросив краткий строгий взгляд на Мию, почесал бороду и перелистнул страницу в своем блокноте.

Габриэль Мёрк сидел перед своими мониторами в кабинете на Марибуэсгате, довольный собой. Молодой хакер не чувствовал к Холгеру Мунку ничего, кроме уважения, но как обычно во время общего собрания кое-что было упущено. Возраст. Наверное, в нем все дело. Скоро Мунку исполнится пятьдесят пять, не такой уж и старый, и тем не менее, похоже, что тучный следователь забывает, что они живут в другом времени, а те времена, когда он начинал свою карьеру, прошли.

Девочка семнадцати лет. Камилла Грин, найдена мертвой в Хурумланне с цветком во рту. И никто не сказал о социальных сетях. Габриэль хотел было поднять руку и сказать, но решил не делать этого. Мунк был в странном настроении, наверное, из-за того, что в списке сотрудников садоводства оказался сожитель его бывшей жены. Как бы то ни было, Габриэлю показалось, что был неподходящий момент, чтобы читать своему начальнику лекцию о том, как сейчас устроен мир.

Лучше заняться этим самому. И может быть, даже получить потом похвалу. Габриэль сделал глоток колы, стоявшей около клавиатуры, и положил в рот новую жвачку. «Фейсбук», «твиттер», «тамблер», «инстаграм». Мунк – невероятно искусный следователь, и Габриэль прекрасно понимал,

почему именно он возглавлял отдел на Марибуэсгате, но интеллигентный главный следователь все еще жил в каменном веке в том, что касается интернета и того, как современная молодежь общается друг с другом.

Габриэль нашел много аккаунтов на «фейсбуке» с именем «Камилла Грин», но ни один из них не принадлежал девочке с тех фотографий. Девушка из Южной Каролины в бикини, пожилая дама из Флориды с фотографией кошки, кто-то из Швеции, девушка из Венгрии, но никто из них не оказался той Камиллой Грин, которую он искал. Как странно, подумал Габриэль сначала, что ее нет на «фейсбуке», но потом поиграл с именем и, попробовав несколько комбинаций, наконец нашел ее.

cgreen

Аккаунт на «фейсбуке» и в «инстаграме». Вот что он нашел. Габриэль полистал ее фотографии в «инстаграме» еще раз, пытаясь включить в себе полицейского, анализировать свои наблюдения. Было здесь что-то странное. Он сразу обратил на это внимание. Там было так мало всего. Очень редкие статусы на «фейсбуке». Немного фотографий в «инстаграме». Очень необычно для девочки семнадцати лет. Несколько селфи. «Скучно» – подпись под фото кривляющейся Камиллы, судя по всему, в ее комнате в «Садоводстве Хурумланне». «Завтра буду кататься на Вирвинде¹⁰» – под ее фото с улыбкой и большим пальцем вверх, в той же кро-

¹⁰ Whirwind (англ.) – ураган.

вати, тот же фон. Пара фотографий с лошадьми. Несколько лайков. Пара комментариев: «С днем рождения!» и «Скучаю по тебе, малышка!», но в остальном очень мало всего. Габриэлю это показалось странным, пока он не пролистнул вниз и не увидел дату, когда были созданы аккаунты.

30 июня.

Профили оказались новыми. С одной и той же датой. Созданы *30 июня*. Всего за три недели до исчезновения Камиллы.

Габриэль еще отпил колы и попытался думать, как полицейский, отбросив в сторону чувства, думать, как Мунк. Камилла Грин удалила свои старые аккаунты всего за три недели до исчезновения? Почему? Что-то должно было случиться? Никто просто так не удаляет свои профили и не создает новые, если на то нет причины.

Габриэль еще раз просмотрел фотографии и подпрыгнул на месте, когда в дверь вдруг постучали и Миа Крюгер просунула голову в проем.

– Ты занят? Я взяла тебя с поличным?

– Что? – пробормотал Габриэль.

– Секреты? – улыбнулась Миа.

– Что?

– Мошенничаешь там?

– Ага, – кивнул Габриэль, взяв себя в руки. – Собираю фотографии для Карри.

– Конечно, – расхохоталась Миа, расстегивая молнию на

куртке. – Что же он заказал на этот раз?

– Азиатские девушки в бюнадах¹¹ на верблюдах, – сказал Габриэль, к счастью почувствовав, как жар понемногу отливает от лица.

– Серьезно? – ухмыльнулась Миа, положив ноги на письменный стол.

– Нет, – улыбнулся Габриэль.

– Еще лучше, – рассмеялась Миа. – Он способен на большее, не правда ли?

– Может быть, и так, – сказал Габриэль и опять немного смутился, встретившись взглядами с Мией.

– Так ты нашел ее?

Миа кивнула на фотографии на мониторе.

– Да.

– Мунк не самый большой знаток интернета, да?

– Не самый, – улыбнулся Габриэль.

– Хорошо, что у нас есть ты, – улыбнулась Миа, слегка толкнув его в плечо.

– Ну да, – пробормотал Габриэль, надеясь, что щеки опять не вспыхнут.

– Так что у нас есть? – сказала Миа, устремив взгляд к монитору.

– Профиль в «фейсбуке» и в «инстаграме», – сказал он, открыв обе страницы, чтобы смотреть на них одновременно.

– Не буду хвастаться, что сама очень подкована в этом де-

¹¹ Бюнад – норвежский национальный костюм.

ле, – призналась Миа. – Так на что мы тут смотрим?

– Новые аккаунты, – пояснил Габриэль.

– Вот как? – сказала Миа, вытаращив глаза на мгновение. – Насколько новые?

– Созданы за три недели до ее исчезновения.

– Серьезно?

– Да.

– И что это значит? Я имею в виду, для тебя, ты же в этом крутишься.

– Ты хочешь сказать, в интернете?

Габриэль успокоился. Жар отступил от лица.

– «Что значит»? В каком смысле «что значит»?

– Ну, я не живу в этом мире, поэтому не знаю. Если кто-то удалил старый аккаунт и создал новый... Почему он так делает, как считаешь?

– Может быть по разным причинам, – сказал Габриэль.

– Например? – с любопытством спросила Миа.

– Нет, ну это может быть и случайностью.

– Случайностью?

– Да, ну или это необязательно должно что-то означать, – продолжил Габриэль. – Например, у тебя на «фейсбуке» есть друзья, с которыми ты больше не хочешь общаться, но тебе кажется неприятным просто удалять их, ведь придется объяснять, почему, так что проще будет создать новый профиль, понимаешь?

Миа подняла брови и пожала плечами. Было очевидно,

что она не привыкла к социальным сетям.

– Но чаще всего причина есть, значит, что-то случилось, – продолжил Габриэль.

– Что же, к примеру?

– Ну, может быть по-разному. Порвала с парнем и не хочешь, чтобы он видел, с кем ты зависаешь, например.

– Зависаешь? – улыбнулась Миа. – Значит, вот как называется то, чем вы занимаетесь?

– В каком смысле?

– Вы зависаете друг с другом? Это вы делаете?

Вдруг Габриэлю показалось, что Миа намного старше него. Такой вопрос скорее относился бы к поколению Мунка или даже старше, но он сразу же понял, что в том, что касается Мии, возраст абсолютно ни при чем. Она не сидела в социальных сетях. Она – официальная персона. Ей нравилось иметь личное время. Тогда, несколько лет назад, на «фейсбуке» даже были группы фанатов Мии Крюгер.

– Да, когда нам надоедает искать азиаток в бюнадах, – засмеялся Габриэль.

Миа улыбнулась, не отрывая глаз от монитора.

– Лошади? – сказала она, показав пальцем на одну из фотографий.

– Да, похоже, она любила верховую езду, – кивнул Габриэль.

– «Вирвинд», – тихо сказала Миа, показав на сообщение в «фейсбуке».

– Да, это, скорее всего, лошадь?

– Вероятнее всего. Если только это не верблюд.

Габриэль улыбнулся, опять почувствовав, как краснеет.

Миа поднялась и секунду постояла перед мониторами, как будто о чем-то задумалась.

– Ладно, – наконец кивнула она. – Ты идешь или как?

– Куда?

– Мы привезли ее вещи из «Садоводства».

– Вещи Камиллы?

– Да, – кивнула Миа. – Они подтверждают то, что у тебя здесь.

– В каком плане?

– Лошади. Думаю, с них и начнем.

Миа постояла перед мониторами еще мгновение, но мысли ее были в другом месте.

– Так ты идешь или как? – наконец сказала она.

– Иду, – кивнул Габриэль, последовав за ней в переговорную.

Молодой хакер Сканк предстал перед выбором, с которым раньше никогда не сталкивался.

Он надвинул шапку на торчащие черные волосы с белой полоской посередине, из-за которых и получил такое прозвище, и пересек улицу, стараясь держаться в тени.

В обычное время ему бы и в голову такое не пришло. Идти в полицию. Разумеется, нет. Это же само собой разумеется. В его мире считалось страшным грехом привлекать любого, кто мог иметь отношение к властям. Сканк считал себя анархистом, борцом за свободу в интернете, и хотя он немного смягчился в последние годы, покинув линию фронта в преступном мире в угоду своему крайне прибыльному бизнесу, правила, конечно, оставались прежними. Никакой полиции. Никаких властей. Разумеется, нет. Но теперь? После этого видео, которое он посмотрел прошлым вечером? Он не мог поступить иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.